

Ставропольская краевая библиотека для молодежи
имени В. И. Слядневой
НФ «Литературный фонд имени В. И. Слядневой»

ШЕСТЫЕ СЛЯДНЕВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ

Литература Ставрополя:
из прошлого в будущее

Ставрополь, 2020

ШЕСТЬЕ СЛЯДНЕВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ: «Литература Ставрополя: из прошлого в будущее»: сборник / ГБУК СК «Ставропольская краевая библиотека для молодежи имени В. И. Слядневой»; сост. Л. Ф. Игнатова. – Ставрополь, 2020. – 79 с.

Ответственный за выпуск:
Тех. редакция и верстка:

Л. Ф. Игнатова
М. В. Игнатов

© Ставропольская краевая библиотека для молодежи
имени В. И. Слядневой, 2020

Оглавление

«Да поможет вам Бог на распутьях дорог»	4
Шматко Л. И. В поддержке талантливого	6
Головки В. М. Ценностные ориентиры в системе художественного миропонимания В. И. Слядневой	10
Игнатова Л. Ф. «Все иду к тебе, Читатель...» или сохраняя память о поэте.....	23
Сутулов-Катеринич С., Кустов В. «Горицвет», расцветший на Покров (К вопросу о материализации имён).....	30
Гадлевская В. Диалектные слова села Надежда в произведениях В. И. Слядневой.....	38
Татьяна Карповна Черная	45
Черная Т. К. Стихи как биография и творчество	48
Черная Т. К. «Я обнимал березовую рощу – с тех пор она звучит в моей судьбе»	57
Черная Т. К. Просто – о сложном.....	67
Бронская Л. И. Система мотивов в лирике Валентины Нарыжной последних лет	72

«Да поможет вам Бог на распутьях дорог»

22 декабря в Ставропольской краевой библиотеке для молодежи имени В. И. Слядневой состоялись Шестые Слядневские литературные чтения «Литература Ставрополя: из прошлого в будущее».

Чтения стали традиционным событием культурной жизни края. Они уже имеют собственную историю. Выполняя свою главную задачу – изучение и популяризация богатой истории литературы Ставрополя, раскрытие специфики литературного творчества, – они позволяют не только познакомиться с трудами ученых-филологов, литераторов (в том числе и юных), но и вернуться к тем литературоведческим работам, которые давно публиковались и известны лишь узкому кругу специалистов, но представляют собой большую ценность.

Сборники с материалами чтений направляются в библиотеки края как методическое подспорье в работе библиотек и школ по изучению истории литературы Ставрополя и творчества современных писателей нашего края, электронная версия – на сайте библиотеки.

Памяти Валентины Сляднейвой

Халимонова-Мельник Алла Владимировна

В ней было русское – аз, буки, веди,
Глагол, добро – неповторимый слог.
Так жизнь любить, и знать ее, и ведать,
И так легко писать не каждый мог.

Она могла. Последний луч заката
В стихи вплетала мастера рукой.
Она была так внутренне богата,
Что щедрой разливавшейся рекой

Дарила всем глоточки вдохновенья,
Себя дарила, жизни не щадя,
И впитывала мир – и птичье пенье,
И воздух бушевавшего дождя...

Но главное – Отечества судьбина,
В которой нужно важное спасти,
Тревоги за внучат, за дочку, сына,
За трудные российские пути.

Все волновало сердце, все болело.
И вот, в миры иные перешла
Душа, а исстрадавшееся тело
Земля ее родная приняла.

Мир праху, и, как Церковь поминает,
Мы скажем: «Со святыми упокой...»
А в книгах Сляднейвой – вода живая,
Что бурной разливается рекой.

В поддержке талантливого

*Шматко Лариса Ивановна,
председатель НФ «Литературный
фонд имени В. И. Сядневой»*

Все усилия современной культуры, выраженные в фактах, событиях, лицах, направлены на поиск талантливого содержания искусства во всех его проявлениях, которые выразили бы глубинное знание о человеке в быстро меняющемся мире. Минувший год не был в этом смысле исключением для всех учреждений культуры и искусства края, в том числе для Некоммерческого Фонда «Литературный фонд имени Валентины Ивановны Сядневой» (далее – Фонд). Фонд в своей деятельности старался и старается учитывать основные общественные культурные запросы, и в меру сил и возможностей, воплотить их в конкретных делах, программах.

Вся основная информация о деятельности Фонда отражается на постоянно обновляющемся сайте, который имеет систематизированный многолетний архив, дающий полное представление о его прошлом и настоящем.

Обозначим в общих чертах в этой статье наиболее важное в нашей деятельности.

Усилия Фонда в течение года были направлены, в первую очередь, на подготовку к открытию арт-центра «Горицвет» по адресу: г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 347. В октябре прошлого года арт-центр «Горицвет» был торжественно открыт, началась его повседневная деятельность: показы спектаклей, проведение концертов, выставок, учебных занятий, различных конференций.

Фонд принял участие в проведении Года театра в России и в крае, организовав совместно со Ставропольским

краеведческим музеем экспонирование театральной выставки.

М. Литвинов, актер и режиссер домашнего театра, инвалид-колясочник из села Старомарьевского Грачевского района, лауреат Слядневской премии подготовил два новых спектакля по произведениям поэта В. И. Слядней, посвященных 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ему была оказана помощь в показе спектаклей по краю: в библиотеках, клубах, в воскресных школах при храмах.

Фонд тесно сотрудничал с актерами театров края в совместных творческих проектах, начиная работой в жюри чтецких конкурсов, до записи профессиональными актерами аудиокниги «Одолень-трава» по произведениям поэта В. Слядней (совместно со Ставропольской краевой библиотекой для слепых и слабовидящих имени В. Маяковского). Актеры театров края участвовали в различных концертах, организуемых Фондом.

Исполнение основной мемориальной программы Фонда по популяризации наследия поэта В. И. Слядней было реализовано в проведении двух традиционных краевых конкурсов чтецов по произведениям поэта, очередных Пятых школьных Слядневских чтений и Шестых краевых Слядневских литературных чтений, издании сборника статей по их итогам. Приняли организационное участие в бардовских фестивалях, конкурсах чтецов, конкурсах школьных сочинений по произведениям В. И. Слядней в гг. Кисловодске, Благодарном, Черкесске, селе Сенгилеевском. Литературный театр при Ставропольском литературном центре продолжил показ спектакля по произведениям поэта в школах, высших учебных заведениях края.

По инициативе правления Фонда министерство культуры Ставропольского края вышло с ходатайством Губерна-

тору Ставропольского края о присвоении поэту В. И. Слядневой звания Почетный гражданин Ставропольского края. Эта ходатайство было рассмотрено на заседании соответствующей комиссии правительства края, и Губернатор Ставропольского края своим распоряжением утвердил решение комиссии о присвоении этого звания поэту В. И. Слядневой и установке на аллее Почетных граждан пилона с ее барельефом.

Издательская программа в оказании содействия в формировании книжных фондов библиотек края была продолжена изданием серии информационно-методических материалов «Писатели Ставрополя» совместно со Ставропольской краевой библиотекой для молодежи имени В. И. Слядневой. Была оказана финансовая помощь в издании большого библиографического указателя «Писатели Ставрополя» и выпуске дополнительного тиража библиографического указателя, посвященного 100-летию писателя А. Солженицына совместно со Ставропольской краевой универсальной научной библиотекой имени М. Ю. Лермонтова. Подготовлена подборка стихов в газете «Литературная Россия» и вступительная статья при тесном взаимодействии с доктором филологических наук, профессором Головки В. М. Издан литературно-художественный календарь на 2020 год «Я огненного времени птенец...» со стихами поэта В. И. Слядневой и иллюстрациями картин художника Д. С. Гущина, посвященных 75-юбилею Победы. Все изданные при содействии Фонда книги были безвозмездно направлены в государственные и муниципальные библиотеки края.

Была продолжена реализация социальной программы: присуждены две именные стипендии молодым начинающим авторам и двум студентам-филологам СКФУ, две литературные премии – известному поэту В. В. Нарыжной, и

не менее известному краеведу Н. А. Охонько за изданные книги в прошлом году.

Была оказана помощь в ремонте Ставропольской краевой библиотеки имени В. И. Слядневой. Выплачивались денежные премии лауреатам конкурсов и фестивалей, школьных Слядневских чтений. Оказывалась материальная помощь больным писателям и писателям-юбилярам. Фонд принял участие в проведении 100-летнего юбилея известного ставропольского детского поэта А. Екимцева совместно со Ставропольской краевой детской библиотекой, носящей его имя.

Фонд принимал участие в различных краевых, всероссийских и международных акциях, проводимых министерством культуры, министерством образования Ставропольского края, Ставропольской и Невинномысской епархией, высшими учебными заведениями края, творческими союзами писателей, художников, дизайнеров, театральных деятелей.

В нынешнем году исполняется 80 лет со дня рождения В. И. Слядневой. Многие запланированные мероприятия будут посвящены юбилею поэта: завершение издания собрания сочинений, песен на ее тексты, установка бюста в городе Ставрополе и многое другое. Помимо этого, мы планируем и другие мероприятия.

И, конечно же, Год памяти и славы в России и на Ставрополье будет так же отражен во многих мероприятиях Фонда и арт-центра «Горицвет».

Ценностные ориентиры в системе художественного миропонимания В. И. Слядневой

*Головко Вячеслав Михайлович,
профессор СКФУ*

В статье раскрывается миропонимание как важная составляющая мировидения автора-творца в лирике и прозе В. И. Слядневой, которое объективируется в идиостиле и онтологической поэтике ее произведений. Отмечается, что укорененностью в народной культуре, мирозерцании, языке обусловлена система ценностных ориентиров художественного мироблаза, управляющая читательской рецепцией и являющаяся одной из форм выражения нравственно-эстетической позиции автора.

Ключевые слова: творческая индивидуальность писателя; художественная аксиология; народность; бытовое и бытийное; этнокультурная идентификация.

Творческая индивидуальность В. И. Слядневой (1940-2013) во многом обусловлена укорененностью ее поэзии и прозы в народной культуре, мирозерцании, языке. Образ малой родины незримо, но сущностно определяет внутреннюю атмосферу ее художественных созданий. Ставропольское село Надежда для В. И. Слядневой, как подмосковная деревня Язвицы для выдающегося российского поэта В. Ф. Бокова, – это не только неиссякаемый источник вдохновения, тематического богатства, но и «уголок земли», сохраняющий нравственные устои подлинно человеческого бытия.

В поэтическом творчестве В. И. Слядневой ярко проявляются особенности лирического обобщения, свойственного этому роду литературы. В ее произведениях обнару-

живается те субъект-объектные связи и отношения, при которых, как отмечалось еще в эстетике Гегеля, «доводящая себя до сознания душа с ее субъективными суждениями, ее радостями, изумлением, болью и чувством», творит художественный мир, в котором «затрагиваются все направления национальной жизни» [10: с. 494]. Не случайно в теоретических исследованиях лирики как рода литературы во второй половине XX века доминантной становилась именно эта мысль. «Проблема воплощения в лирике авторского сознания, всегда обобщающего черты общественного сознания эпохи» [11: с. 6], актуализировалась, например, в работах Л. Я. Гинзбург, В. Д. Сквозникова, Г. Д. Гачева, Б. О. Кормана, М. Л. Гаспарова и других исследователей.

Закономерно, что образ переживания в поэтическом мире В. И. Слядневой перерастает локальные рамки, приобретает универсальный характер, достигая пределов России:

Спит журавль колодезный,
Сена стог за межой.
Слита навек в моем сердце малая родина
С Родиною большой.

«Мащут деревья кронами...» [3: с. 174].

И в то же время – пределов мироздания:

Хлебая дожди и дрожа от грозы,
И слушая чьи-то рыдания,
Пытаясь понять мирозданья азы,
Хоть сами та ж пыль мирозданья...
Не прячемся от мирового суда –
И крест свой нести нам по силе...

О чем бы ни шел разговор наш – всегда
Он будет о нас, о России.

«Юрию Кузнецову» [6: с. 9].

Соприродность человеческого существования и мирового целого фиксируется средствами народной поэтической образности и архетипами художественно-философского мышления, воспринимаемыми как традиция мировой культуры. Голос поэта В. И. Слядневой начинает звучать в унисон с медитациями Блеза Паскаля, Тютчева, Тургенева, Пришвина, Бокова, возвышавшими человеческую экзистенцию, человеческую мысль над безличностью всесильной Природы.

Внутренняя соотнесенность неповторимо-индивидуального, единичного и всеобщего создает такую философскую ситуацию, когда человек, «мыслящий тростник» (Паскаль), «злак земной» (Боков), «пыль мироздания», пытается понять «мироздания азы». В творчестве В. И. Слядневой выражено представление о таком подлинно человеческом бытии, когда «личное» «я» предстает в произведениях поэта как конечное сущее, как часть бытия, которое входит в мир и вбирает его в себя. В таком поэтическом созерцании реализуется природа лирического творчества, маркируемая идеей динамической целостности. Имея в виду специфику художественного выражения лирического мировидения, М. И. Цветаева в письме Б. Л. Пастернаку от 11 февраля 1923 г. тонко подметила: «Лирические стихи (то, что называют) – отдельные мгновения одного движения: движения в прерывности. <...> Лирика – это линия пунктиром, издалика – целая, черная, а взглядишь: сплошь прерывности между точками...» [8: с. 383]. Эстетическое качество подлинной поэзии – воссоздание философской картины мира как художественной

целостности «линией пунктира» – в полной мере реализуется в поэзии В. И. Слядневой.

Природа как одухотворенное и одухотворяющее гармоническое целое, где все взаимосвязано, взаимозависимо, в картине мира ее произведений предстает как высший ценностный критерий, а высота духовных проявлений человека – как животворение самой природы. Натурфилософская проблематика «по-разному проявляется в творчестве писателей: как понимание гармоничного единства человека и природы, выяснение влияния технического прогресса на окружающий мир, напоминание об ответственности людей за преобразования в природе, обозначение места человека в универсуме» [14: с. 22]. В поэтическом творчестве В. И. Слядневой эти темы и мотивы предстают в интегрированном единстве.

В прозе поэта сохраняется эта специфика. Так, в рассказах В. И. Слядневой героини стараются все делать «ради того, чтоб сила была у земли от ласки людской, чтоб люди умели беречь в себе то, что давала им земля» («У черного тополя») [5: с. 14]. Этими образами выражается авторское понимание сущности человека, и не случайно для манеры повествования в этих произведениях характерен принцип внедрения голоса автора-повествователя в точку зрения, в слово героев при максимальном сближении «живой жизни», быта, феноменологии повседневности и законов мироздания.

Творчество В. И. Слядневой отличается новизной неожиданного сплава, редкого сочетания прозаического и бытийного, бытового и философского, бытописи и лирики. Это становится в ее поэтических произведениях формой специфического выражения «эмоционально самодовлеющей мысли, нашедшей себя... в образе переживания» [12: с. 406]. Можно даже сказать, что бытопись – это форма

народности поэтических и прозаических произведений, выражение национального образа мира.

Я заодно с землей, с родней!
Вот вновь бегут с крылечек...
Люблю вычерпывать бадьей
Я небеса из речек.

«Я на земле своей родной...» [3: с. 172].

Творчество В. И. Слядневой только выигрывало от такого сближения бытового и бытийного. Обновлялась образная система, приобретала оригинальный характер композиционная и ритмико-интонационная организация произведения. Заземление стиха в расширяющейся перспективе поэтического взгляда на мир придает лирике живое звучание, непосредственность в обращенности к чувству и мысли не эмпирического, а имплицитного читателя (интерпретатора образа переживания, участника эстетического события, находящегося в диалоге с автором). В такой системе изображения органичным является ценностное уравнивание, например, «избы с крышей – на два ската» с «лугом земным» и даже «солнцем» [3: с. 165]. В. И. Сляднева нередко образ пространства и времени концентрирует в хронотопе «дома», но достигает при этом максимального раскрытия в рефлексии лирического «я» сущности человеческого бытия. В художественном мире поэта нет дистанции между живым, конкретным человеком и всеобщим бытием. Сближение двух полюсов – единичного и космического, человеческого и природного – составляет суть художественного мышления В. И. Слядневой:

Усталое солнце на крышу сарая
Легло, отдохнуло, скатилось в туман,

Глухая старуха в избе умирает
И шепчет неслышно: «Жизнь – это обман...»
[3: с. 205].

Или:

Скажи мне, свет Луны,
Я создана тобой?
А к морю выйду я,
Подумаю: «Прибой
Летучих волн
Мне тоже, видно, из родни:
Движения души у нас порой одни».
«Я вышла из лесов?..» [3: с. 165].

В этой предметности и универсальности художественного видения чувствуется жажда обновления как содержания творчества, так и поэтики. Метафорическое мышление, эпитет, который нередко материализует такое мышление, может поразить любого ценителя словесного творчества. «Держала нежно хвоя / Луч солнца на весу...» («Встреча под Магдебургом»), «Солнце завтра в окошко глянет, / Обнародовав новый май...» («Нарисуй меня, Модильяни!») [3: с. 113, 305] – эти и подобные тропы в их метафорической смелости и смысловом избытке являются ключом к идейно-эстетическому целому произведения. «Раненая память», «знамен пульсирующий цвет», «огненного времени птенец» и т. д. – такие неожиданные эпитеты из стихотворений цикла «Солдатские кресты» [3: с. 80-122] значимы в создании синтеза трагического и возвышенного, того единства отрицания войны и утверждения мира, неразрывности героического прошлого и его переживания в настоящем, которое определяет пафос произведений о Великой Отечественной войне. А вот строки сти-

хотворения из книги «Я огненного времени пленец», посвященного памяти тем защитникам Родины, которые навсегда остались на полях сражений Великой Отечественной войны:

О войне я стихов не пишу
И в слова о смерти не играю; –
А с бойцами в бой сама хожу
И не понарошку умираю.
Жизнь поит меня живой водой,
Радует весенним благовестом...
Я лежу под каждую звездой
И под каждым холмиком безвестным.

«О войне стихи я не пишу...» [2: с. 7].

Это тот же масштаб изображения, что в известном стихотворении С. С. Орлова, написанном в 1944 г.:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат...

«На алтаре души россиянина, – писала В. И. Сляднева, обращаясь к своему читателю, – всегда были высокие идеалы и цели. Цена их велика. За них были отданы жизни дорогих и любимых нами людей. Я не могу не думать о тех, кто никогда не увидит, как на луг упадет роса, как засияет новый восход и от лесов повеет родниковая прохлада» [4: с. 5]. В мыслях своих и авторских помыслах она неизменно возвращается к «истокам красоты» как в природе, так и в человеческих отношениях. В стихотворных циклах «В пределах Бориса и Глеба», «Хочу поездить по земле...», «Яблоко судьбы», «Солдатские кресты», «Зов России», «Спит журавль колодезный», «Роца белая, словно лебедь», «Кварты», «Портреты», в рассказах «По ту сторону радуги», «Полоска земли», «У черного тополя»,

«Перепелиная душа», «Вслед жизни» и др. звучит чистая нота веры в человека и надежда на чувство сопричастности к утверждению добра на земле. Цикл «Портреты», посвященный великим поэтам, художникам, философам, деятелям культуры, представляет собою не только эстетическую декларацию поэта, но и раскрывает суть той социально-нравственной позиции, с которой освещается как прошлое, так и настоящее России. В стихотворении «В. Маяковскому» дана, например, такая оценка современным процессам реставрации капитализма:

Все распроданы и раскрадены...
Но грядет оно, время судий!
Петь Отечество Вам, громадина,
То, «которое есть и будет!» [3: с. 299].

По природе своего таланта В. И. Сляднева – лирик. Таковой она остается и в поэзии, и в прозе, всегда ярко окрашенной эмоционально-личностным отношением к изображаемому. Поэтическое начало проявляется не только в выразительных средствах языка, в интонации и ритмически организованном повествовании, но, прежде всего, – в нагрузке на слово, на его смысловые и ассоциативные ресурсы. Эстетическое в сфере отношения слова к действительности полноценно реализуется в творчестве Сляднейвой, активно воспринимавшей традиции поэтики модальности. Диалектика типологического и индивидуального в художественном мире ее произведений создавала предпосылки для того, чтобы поэтическое слово не сводилось «ни к мифологически субстанциональному, ни к условно поэтическому, ни к эмпирически бытовому смыслу, а выступало как принципиально вероятностный, но художественно реализованный мир отношения этих смыслов» [9: с. 456].

В малой прозе автор предстает перед читателем таким же мастером художественного высказывания, как и в поэтическом творчестве. Поэзии Слядневой изначально была присуща некая лирическая дерзость, то особое качество, которое Л. Н. Толстой считал неперменным свойством лучших образцов этого литературного рода. Вот пример «дерзостного» поэтического самовыражения:

...Даже если вокруг ничего –
Ни тропы, ни звезды, ни огня –
Создаю я свой мир, и его
Бесконечность
Пугает меня.

«Создаю я свой мир...» [3: с. 281].

При всем том, что есть немало оснований для причисления В. И. Слядневой к числу так называемых «тихих поэтов», внутренняя атмосфера ее поэтических созданий является остро конфликтной, эмоционально напряженной, бунтарской, характеризуется резким противопоставлением картины мира лирического «я» всему, что противоречит высоким смысложизненным ценностям и нравственным абсолютам. В то же время этот мир сопряжен гармоническому целому бытия. Именно потому формы самоощущения и лирического самовыражения в поэзии В. И. Слядневой приобретают универсальный характер. Во многих ее произведениях, воссоздающих уклад сельской, крестьянской жизни, знакомой с детских лет и воспетой ею в поэтической книге «Нашептали мне колосья...», онтология повседневности становится формой эквивалентного выражения чувства Родины, бытийной концепции автора.

Слово и поэзия в творчестве В. И. Слядневой изначально сосредоточивают в себе духовную жизнь и куль-

турную память народа. Эстетическое созерцание талантливого поэта становится выражением его действенного отношения к миру, к человеку.

По-особому это отношение выражено в тех стихах, в которых доминирует гражданский пафос. Мысли о родной стране, об исторических судьбах поколений рождены социальным опытом автора, в основе которого крепкая связь с народом и его культурой. В произведениях В. И. Слядневой гражданственность не противостоит поэтичности, напротив, запечатлевается в эмоционально возвышенном образе переживания, имеет глубинный, а не декларативно-риторический характер. Сегодня почти забытым является само понятие народности творчества, но именно этим свойством обеспечивается жизнь художественных произведений во времени, их соответствие социокультурному контексту любой эпохи. Нравственные критерии трудового народа, созидającego духовные и материальные ценности, определяют социально-эстетический идеал автора-творца. Как писал И. С. Тургенев, для человека, без напряжения вступающего в область идеала, слова «добро», «истина», «жизнь», «любовь» «никогда не звучали ложным звуком» («Яков Пасынков»). Такому человеку открываются высоты духа. Не случайно в художественном мире В. И. Слядневой столь важным ценностно-эстетическим критерием является образ-концепт высота, назначение которого – высвечивать пути приобщения к красоте, к природе как живому гармоническому целому, открывать перспективы духовно-нравственного совершенствования человека.

...Послушна вечной красоте
На недоступной высоте

Душа моя парит.
«Любой от воздуха здесь пьян...» [3: с. 181].

Видим облака паренье
В лебединой высоте,
К нам приходит озаренье –
Мы уже чуть-чуть не те...
«Живой ручей» [3: с. 222].

В этом чувствуется органическая связь с классической традицией. Вспомним А. А. Фета:

Оторвись же от тусклой свечи ты ду-
шою свободной!
Или тянет к земле роковое, тяжелое
бремя?..
«Истрепались сосен мохнатые ветви...»
[7: с. 105].

Или В. Ф. Бокова:

Побудь со мной на высоте,
Оставь земной удел!..
«В гостях у жаворонка» [1: с. 8].

Только это позволяет человеческой жизни «мчать под облаками – под окнами у Бога» («Ездили в кибитках...») [2: с. 6].

Именно такое ощущение высоты духа позволяет воспринимать родную землю как олицетворение Родины, наполнять этот реальный образ символическим смыслом, связывать с ним утверждение человеческого в человеке.

...Наливается соками,
Набирается силою

Снова слово высокое
О любви и России.

«О любви и России» [3: с. 168].

Литературная репутация писателя определяется многими факторами – от социокультурной ситуации в стране до обстоятельств его личной судьбы и особенностей творческой биографии. Но прежде всего литературная репутация писателя зависит от глубины его философского миропонимания, мастерства, роли творческой индивидуальности в историко-литературном процессе. Как справедливо отмечал В. Д. Сквозников, «традиционные в лирике мотивы (темы), при всем их расширении и обогащении, особенно в критические эпохи, снова и снова «перепеваются»... становятся косной силой, тормозящей развитие. Складывается вроде бы нелепое положение: самый «интимный» род литературы оказывается иногда в самом жестком плену многообразных штампов» [13: с. 6]. Отражая в своем творчестве время, переживая вместе с народом «критические эпохи», смену общественно-экономических формаций и т. д., В. И. Сляднева, сохранявшая верность своим ценностным критериям – как нравственным, так и эстетическим, избежала не только перепевов и штампов, но и реально обогатила художественное сознание неповторимыми открытиями в области художественной философии и поэтики. По масштабам своего дарования она занимает достойное место среди тех, кого читательская общественность, литературные критики и профессионалы-литературоведы относят к числу талантливых поэтов и прозаиков современности.

Источники:

1. Боков, В. Ф. В гостях у жаворонка : Новая книга стихов / В. Ф. Боков. – Грозный : Книга, 1994. – 160 с.
2. Сляднева, В. И. Жизнь сама – такая быстрая дорога!.. / В. И. Сляднева // Литературная Россия. – 2015. – № 8. – С. 6-8.
3. Сляднева, В. И. Одолень-трава : Лирика / В. И. Сляднева. – М.: Литературный фонд России, 1999. – 640 с.
4. Сляднева, В. И. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4: Перепелиная душа / В. И. Сляднева. – М.: Дружба литератур, 2014. – 448 с.
5. Сляднева, В. И. У черного тополя / В. И. Сляднева // Литературная Россия. – 2017. – № 1. – С. 12-14.
6. Сляднева, В. И. «Хрустальные брызги водопадов памяти...» / В. И. Сляднева // Литературная Россия. – 2019. – № 2. – С. 8-9.
7. Фет, А. А. Лирика / А. А. Фет. – М.: Худ. лит., 1966. – 184 с.
8. Цветаева, М. И. Об искусстве / М. И. Цветаева. – М.: Искусство, 1991. – 479 с.

Литература:

1. Бройтман, С. Н. Лирика в историческом освещении / С. Н. Бройнтман // Теория литературы: в 4 т. Т. 3: Роды и жанры. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 421-466.
2. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3 / Г. В. Гегель. – М.: Искусство, 1971. – 622 с.
3. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – Л.: Сов. писатель, 1974. – 408 с.
4. Сквозников, В. Д. Лирический род литературы / В. Д. Сквозников // Теория литературы: в 4 т. Т. 3: Роды и жанры. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 394-420.

5. Сквозников, В. Д. Реализм лирической поэзии: становление реализма в русской лирике / В. Д. Сквозников. – М.: Наука, 1975. – 368 с.
6. Соколова, Р. А. Экологическое сознание Павла Васильева: к 105-летию со дня рождения / Р. А. Соколова // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2015. – № 3 (19). – С. 22-26.

**«Все иду к тебе, Читатель...»
или сохраняя память о поэте**

*Игнатова Людмила Федоровна,
директор Ставропольской краевой
библиотеки для молодежи
имени В. И. Сягнуевой*

Ставропольская краевая библиотека для молодежи носит имя В. И. Сягнуевой с 2014 года. Уже при входе в библиотеку, посетитель знакомится со строками, которые отражают сущность творчества Валентины Сягнуевой:

Не ведаю, сколько дорог мной исхожено,
Но всюду со мной звон колосьев
и шорох ветвей...
Любить мне Россию судьбою положено,
Ей быть суждено лебединою песней моей.

Есть особый смысл в том, что знакомство с библиотекой начинается с экспозиции, посвященной поэтессе. Её название – «Жизнь как вздох», является метафорой судьбы В. Сягнуевой и становится своеобразным «мостиком» между читателями, поэтическим творчеством и продвигающими его сотрудниками библиотеки.

Экспозиция оформлена кропотливо, вдумчиво и любовно. Благодаря специалистам-музейщикам, использовавшим специфические приемы дизайна, особенности размещения личных вещей, книг, документов, фотографий удалось приоткрыть дверь в мир творчества писателя, познакомиться с особенностями её биографии, выявить место в литературной жизни края.

Музейная экспозиция отражает особый взгляд на жизнь и творчество Валентины Ивановны, выделяя наиболее интересные фрагменты. Многогранность работ позволяет это сделать, используя не только книги, (а это – более двадцати книг стихов и прозы), но и компакт-диски с записями песен на её тексты. Они большей частью были посвящены Ставрополю, воспевали его природу, селян, их быт, язык, казачьи характеры.

Знакомство с экспозицией, экскурсии по мемориальному уголку, способствуют не только вдумчивому, уважительному отношению к наследию В. И. Слядневой, но и создает важный контекст. Он связан с постижением особенностей культуры региона, его местом в социально-культурном пространстве страны, глубинных связей современной жизни с традициями и богатым историческим наследием Ставрополя. «Путешествие» по экспозиции можно уподобить чтению хорошей книги, позволяющей получить множество новой для человека информации, испытать при этом позитивный заряд.

В этом смысле деятельность по увековечиванию имени значимого лица, выступает своеобразной лабораторией по сохранению культурной памяти региона. Оно закрепляет сведения о поэте и его творчестве в сознании ныне живущих людей и будущих поколений, выступает инструментом воспроизводства традиций. Библиотека позиционирует себя как институцию, также воспроизводящую систему

ценностей замечательного поэта и творческой личности, эмоционально заражаясь и заряжая молодежь этими ценностями. И в этом огромное воспитательное значение такой деятельности.

Присвоение имени способствовало формированию позитивного имиджа библиотеки. У нас было ясное понимание того, что имя – одна из важнейших характеристик бренда, оно легко запоминается, при целенаправленной, правильно структурированной, успешной деятельности создает прочные ассоциации с положительным имиджем. И, наконец, имя привлекает пользователей; укрепляет статус, облагораживает, выделяет из числа похожих. Не случайно большинство жителей города Ставрополя уже называют нашу библиотеку Слядневкой.

Присвоение имени – это не просто волнительное событие для всего коллектива, а мощный толчок к изменениям в стратегии развития библиотеки. И здесь важно отметить, что мемориальная деятельность строилась не как именная, посвященная только творчеству поэта В. И. Слядневой. Ее творчество рассматривается на широком историко-литературном фоне исследований творчества поэтов и писателей Ставрополя, давно ушедших из жизни и ныне здравствующих, и зрелых и молодых. А это возбуждает интерес к литературному, культурному наследию «малой родины».

Память – это непреходящая ценность культуры и мировоззрения, осмысление прошлого, но и будущее, работа по преодолению границ.

Культура памяти воспитывается реальной практической деятельностью, из года в год, и постоянно глядя в будущее. А библиотека – именно то место, где живет память, где она накапливается и хранится. При этом, библиотека – не про-

сто хранилище литературной памяти, памяти культуры, а живой, развивающийся организм.

Развитие осуществляется в двух плоскостях:

- традиционно-библиотечном, просветительском (сохранение и приумножение ресурсов),
- активное привлечение молодежи.

С получением статуса «именной» библиотека собирает и обеспечивает сохранность специализированного фонда источников Слядневского наследия – документов, книг, рукописей, фотографий, других артефактов. Вокруг биографии и творчества Валентины Ивановны Слядней собран книжный фонд, который включает в себя все вышедшие сборники произведений поэта, популярную литературу, краеведческие сборники, мемуары, материалы Слядевских чтений, фестивалей, конкурсов чтцов; а также библиографию, аудио, видео и электронные материалы.

Обновляются и пополняются электронные ресурсы. Информационный электронный ресурс «Открой Ставрополье» позволяет ввести пользователей интернет в творческое пространство В. И. Слядней. Особо востребована «Литературная карта», на которой отмечены места, которым посвящены поэтические строки. Поэтическая карта по творчеству В. И. Слядней – это настоящее путешествие по Ставрополью, ведь каждая ее точка наполнена тонкими живописными зарисовками, пронизана яркими воспоминаниями и глубокими эмоциями.

Многие пользователи социальных сетей начинают свой день со «Слядневской среды». Это строфы из стихов поэта, прозаический афористический текст, ее житейские зарисовки и многое другое. Эта рубрика полюбилась посетителям странички, о чем красноречиво говорит статистика обращений к ней. Такая форма популяризации наследия поэта помогает молодому читателю легче входить в мир

его образов, привыкнуть к богатому поэтическому словарю автора.

Накануне праздника Победы на сайте библиотеки, в течение 30 дней, библиотека ежедневно размещает стихи военной тематики, написанные Валентиной Ивановной. Ей, рожденной в военное время, самой судьбой было предназначено особое отношение к таким понятиям, как «Родина», «патриотизм», «верность памяти павших». О них Валентина Сляднева скажет своим пронзительно чистым словом: «Лежат в безымянных могилах мои одногодки – деды»... Там – «птицы поют и зорьки пылают», там – наша Память...

Повышенный интерес к изучению, воссозданию, сохранению и развитию литературного наследия края в библиотеке прослеживался всегда. А интерес к литературному, культурному наследию «малой родины» определяет необходимость изучения, сохранения и передачи будущим поколениям литературного наследия края.

Благодаря сотрудничеству библиотеки с Некоммерческим литературным фондом имени В. И. Слядневой появилась возможность реализовать издательско-просветительский проект «Писатели Ставрополя».

На сегодняшний день издано 16 информационно-методических материалов из этой серии. Издания получают все библиотеки Ставрополя и активно используют в работе, что придает развитию библиотеки дополнительный импульс, побуждает к поиску новых путей развития.

Для библиотеки важна еще одна грань биографии В. И. Слядневой – её литературно-общественная деятельность. На протяжении нескольких лет она возглавляла Ставропольское региональное отделение Союза писателей России. В течение двенадцати лет руководила краевым отделением Всероссийской общественной организации

писателей «Литературный фонд России», поддерживала ставропольских писателей, помогала молодым начинающим авторам, говорила: «у писателя трудная работа, он как старатель ценную руду, слова добывает». Во многом благодаря В. И. Слядневой, писательская организация Ставрополя пополнилась замечательными литераторами. Библиотеке имени Слядневой как одного из культурных центров Ставрополя и популярной площадке города, важно поддерживать столь значимый для поэта культ книги, знания, читателя, формировать интерес людей к собственным историческим корням.

Цель именной библиотеки, обслуживающей молодежь, заключается в активном содействии просвещению, непрерывному образованию, процессам социализации, становлению личности растущего человека, раскрытию его творческого потенциала. Поэтому проекты, реализуемые в Слядневке, направлены на активное вовлечение молодежи в творческое прочтение произведений поэта, что способствует усвоению духовных ценностей в целях позитивной самореализации.

Учредителем и спонсором всех основных мероприятий библиотеки, направленных на сохранение и развитие лучших литературных традиций нашего края, стал Некоммерческий литературный фонд имени В. И. Слядневой.

Это ежегодные мероприятия: «Слядневские чтения», краевой конкурс чтецов стихотворных и прозаических произведений Валентины Ивановны Слядневой, фестиваль «Слядневская весна».

Традиционно в декабре в библиотеке состоялись Шестые Слядневские литературные чтения «Литература Ставрополя: из прошлого в будущее», ставшие уже традиционным событием культурной жизни края. Наряду с учеными-филологами, литераторами, студенты и школьни-

ки готовят свои литературоведческие работы. Доклады традиционно публикуются в сборнике «Слядневские чтения», а начинающим авторам и студентам-филологам вручаются сертификаты стипендиата Литфонда. Сборники с материалами чтений направляются в библиотеки края как методическое подспорье в работе библиотек и школ по изучению истории литературы Ставрополья и творчества современных писателей нашего края.

На популяризацию творческого наследия поэта и содействие развитию творческого потенциала молодежи направлен ежегодный Краевой конкурс чтецов по произведениям Валентины Ивановны Слядневой.

Конкурс проводится в два этапа. Первый этап – отборочный, проводится заочно по представленной видеозаписи выступления, второй этап, финальный – очно. Оценивает мастерство конкурсантов компетентное жюри, в которое входят ведущие актеры краевого драматического театра имени М. Ю. Лермонтова, заслуженные деятели культуры и искусства края.

Участники и слушатели получают от конкурса множество положительных эмоций и впечатлений. Он становится событием в культурной жизни края, способствует закреплению памяти о поэте и играет позитивную роль в просветительской деятельности библиотеки.

Имеется и еще один аспект работы именно библиотеки. Сегодня Слядневская библиотека является центром выявления молодых литературно одаренных людей. Весной 2019 года впервые в библиотеке состоялся Литературный фестиваль «Слядневская весна», который объединил широкие круги читателей творчества ставропольских писателей.

Программа конкурса была обширной – презентации книг, фрагменты театральных постановок Ставропольского

краевого театра кукол, творческие встречи, читательский марафон. А в заключение фестиваля Молодежка распахнула свои двери для участников краевого поэтического конкурса «Тропинка в солнце!», призванного способствовать росту творческого мастерства начинающих авторов, создавать условия для литературного творчества молодежи. Конкурс также предполагает художественное исполнение одного стихотворения В. И. Слядневой и собственного произведения участника, посвященного поэту, ее творчеству или созданного в стилистике Слядневой.

В заключение, можно отметить, что деятельность, связанная с популяризацией трудов и биографии В. И. Слядневой, служит источником привлечения новых молодых читателей, выявляет уникальность библиотеки как института, сохраняющего культурную память и стимулирующего позитивную мотивацию молодежи, её вовлеченность в разнообразные формы творчества.

«Горицвет», расцветший на Покров (К вопросу о материализации имён)

*Сутулов-Катеринич Сергей Владимирович,
лауреат премии имени Валентины Слядневой
Кустов Виктор Николаевич,
лауреат премии имени Валентины Слядневой*

Давно (и не нами) сказано: «Всё начинается с любви...». Эта мысль (эта строка) встречается и в стихотворении замечательного поэта Роберта Рождественского. Подобными строками (подобными мыслями) пронизаны многие произведения Валентины Слядневой, чья поэзия живёт и после ухода автора в иное измерение. А её дети, вырос-

шие в атмосфере любви, как вы, читатели, скоро убедитесь, сумели доказать: всё продолжается любовью.

Не однажды я влюблялась...

Вы простите мне простой мой грех житейский,
Не однажды я влюблялась на веку:
В первый раз – в раскучерявый слог расейский –
В залихвастое в заре ку-ка-ре-ку.

Во второй – влюбились – намертво вцепилась
Я зрочками – в дорогие небеса.
Вечно б на моём виске бы жилка билась,
И поля бы зеленели и леса!

Ну а в третий раз влюбились, как разбилась
На кусочки – не собрать себя давно! –
Взгляд твой царский, ус гусарский – это милость
И потеря, и находка заодно.

Я влюблялась – право слово! – не однажды
В речку, в дуб, что хмелем весь обвит...
Я люблю родной свой край кровинкой каждой,
И не мыслю своей жизни без любви.

Валентина Сляднева

Культура подобна Золушке: изо дня в день тщательно и старательно пытается очистить наше духовное пространство, стремясь сделать нас лучше, светлее, выше. И многие годы мечтает о том, что на бал, куда она тайком проникла, внезапно нагрянет принц (он же, ежели рассуждать приземленнее, – меценат) и наконец-то обратит внимание на одну из главных сироток России.

Ставропольской «Золушке» несказанно повезло: меценат не только появился, но и преподнёс ей воистину цар-

ский подарок. А в лице щедрого и благородного дарителя или, если хотите, феи-волшебницы выступила семья поэта и прозаика Валентины Ивановны Слядневой, родившейся в ставропольском селе Надежда. Решающую роль в действе, превратившем сказку в быль, сыграли сын и дочь Валентины Ивановны и Ивана Дмитриевича Шматко. Подробности об октябрьском чуде, связанном с «Горицветом», – чуть позже. А сейчас – несколько удивительных фактов – их можно смело назвать редкими (даже редчайшими – по нынешним временам) нравственными и гражданскими поступками.

Одарённая ярким поэтическим талантом женщина ушла из жизни, так и не завершив труд по задуманному пятитомному изданию сочинений, завещав продолжить начатое своим детям. Но Сергей Иванович и Лариса Ивановна, носящие фамилию отца, решили не останавливаться только лишь на издании пятитомника, а пошли гораздо дальше! Получив благословение главы семейства, они учредили некоммерческий литературный фонд имени В. И. Слядневой. Подобных реально работающих структур, как отмечает исполнительный директор фонда Владимир Маркович Лычагин, сегодня в стране совсем немного: их можно по пальцам перечесть, так что уже даже только в этом Ставрополью повезло.

Всего за несколько лет, прошедших с момента основания фонда, зарегистрированного Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Ставропольскому краю 4 февраля 2014 года, сделано столько больших и добрых дел, что остаётся только диву даваться! Неужели это сделано семьёй (одной семьёй!) без какой-либо государственной поддержки?!

Однако те самые упрямые факты подтверждают: казалось бы, невероятные события имели (и имеют), как гово-

рится, место быть. К примеру, с помощью фонда обновлена краевая библиотека для молодёжи, носящая теперь имя Валентины Слядневой; появился музей в её родном селе Надежда; оказывается материальная поддержка школе, в которой она училась; серьёзное финансовое подспорье получает и сельский Храм иконы Божией Матери «Знамение». А ещё реализуется широкая издательская программа, уже отмеченная выпуском в свет брошюр и книг, посвящённых таким писателям, как И. С. Тургенев, Я. В. Абрамов, А. И. Солженицын. Кроме того, проводятся Слядневские чтения, ставшие уже традиционными; ежегодно вручаются стипендии молодым талантам и премии (весьма существенные!) мастерам прозы и общественным деятелям.

В числе лауреатов премии имени В. И. Слядневой – С. Н. Паршин за выставочные проекты «Галерея Паршин»; В. П. Бутенко за книгу «Кавказский набат»; В. Г. Дмитриченко за двухтомник «Объяснение в любви»; М. Д. Литвинов за моноспектакль «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона; В. К. Маляров за книгу «С душой о прошлом...».

Валентина Ивановна Сляднева была не только прекрасным поэтом, патриотом своей страны и своей малой родины, она была социально активным человеком. Состоящие при власти и уважали, и побаивались её, потому что она не опасалась ставить острые злободневные вопросы и добиваться их решения. Благодаря её усилиям во времена перемен было сохранено краевое отделение Литературного фонда, что помогло поддержать статус писателя. Её хорошо знали и сменявшиеся губернаторы, и их заместители, курирующие культуру... И закономерно, что память о Ва-

лентине Ивановне увековечена не только в названии библиотеки и школы, но и в самом престижном звании – звании Почётного гражданина Ставропольского края. А уже отлитый бронзовый бюст, скорее всего, получит постоянную прописку в родной для Валентины Ивановны школе...

Интересно, что её стихотворение, по свидетельству депутата Думы Ставропольского края Ю. В. Белого, достаточно давно победило в конкурсе на лучший текст Гимна Ставрополя, но до сих пор проникновенные слова ждут талантливого композитора.

Царским же подарком землякам стал арт-центр «Горизонт» (так назывался один из поэтических сборников В. И. Слядневой). По всему выходит: яркий (жаркий) цветок, распустившийся по осени, светом своим будет согревать приходящих сюда людей. Да, праздник, связанный с началом нового проекта, пришёлся на особый день – День Покрова. Что, конечно же, весьма символично с учётом того, что ещё во времена оные Валентина Ивановна дерзко написала:

Я всегда любила Бога.
Над столом среди родни
Он сидел... Но от порога
Увела меня дорога.
И попробуй – догони.

Появляюсь в кои веки.
Бог сидит под рушником.
Матушка вареник лепит
Вытирает глаз платком.

Ничего не забывает...
Хоть бьёт боль её под дых.

На двоих стол накрывает.
Было – на десятерых.

Кто-то умер, кто – уехал,
Разошлись с былым пути...
Сколько тут летало смеха!
Где его теперь найти?

Ждут вареники на сите,
Чтобы прыгнуть в кипяток.
– Не оставь ты нас, Спаситель,
Скажет мама, сняв платок.

Побежит опять дорога
За просёлок, за межу...
Я всегда любила Бога.
Почему, теперь – скажу.

Центр «Горицвет» – это трёхэтажное здание, в котором есть прекрасно оснащённый концертный зал, где могут выступать артисты всех жанров или демонстрироваться фильмы; просторны его коридоры: в них на день открытия были размещены выставки из фондов Ставропольского государственного краеведческого музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе, Ставропольского государственного музея изобразительных искусств и персональная выставка известного ставропольского художника В. Я. Грибачёва; широко распахнулись двери многочисленных кабинетов, где уже сегодня творят юные художники, скульпторы, дизайнеры...

— Арт-центр – не коммерческое учреждение, хотя мы надеемся, что окупаться расходы будут, – говорит В. М. Лычагин. – Мы ищем и обязательно найдём свой

неповторимый облик, свой фирменный стиль, привлекая к сотрудничеству творческий актив города и края. Наша главная задача состоит в том, чтобы одухотворить этот большой-пребольшой дом, сделав его местом притяжения для созидателей самых разных возрастов.

В день перерезания знаковой ленточки – ленточки открытия – в арт-центре, о чём можно и должно сказать, собрался цвет творческой интеллигенции Ставрополя и края. Да, именно так мы предпочитаем выражаться: цвет творческой интеллигенции! В новый арт-центр пришли и приехали руководители творческих союзов, посланцы учреждений культуры Ставрополя – библиотек, музеев, театров, артисты, писатели, поэты, художники. Среди приглашённых были и представители Русской Православной Церкви.

Вот вам цитата – в самую что ни на есть точку. Или, если угодно, в «яблочко!»

Есть русская интеллигенция.
Вы думали — нет? Есть.
Не масса индифферентная,
а совесть страны и честь.

Андрей Вознесенский

В презентации самобытного проекта приняли участие представители исполнительной и законодательной властей края, которые и со сцены, и в кулуарах искренне говорили об уникальности и особой значимости события. И, конечно же, на правах радушных хозяев гостей встречали брат и сестра, Сергей Иванович и Лариса Ивановна Шматко, а также внуки и родственники поэта.

В этот день со сцены «Горицвета» звучали стихи Валентины Ивановны и песни на её слова, зрители увидели и фрагменты видеозаписей, запечатлевших облик той самой женщины из того самого села Надежда, в котором добрая тысяча Слядневых, а вот такая Валя-Валентина – одна!

Очень эмоциональным оказалось приветствие председателя краевого отделения Союза писателей Александра Ивановича Куприна, напомнившего собравшимся, сколько прекрасных дел на счету Валентины Ивановны Слядневой, занимавшей этот пост на протяжении 12 лет. Свой праздничный спич, посвящённый материализации светлого имени, седовласый поэт завершил строками Владимира Владимировича Маяковского:

В наших жилах –
 кровь, а не водица.
Мы идём
 сквозь револьверный лай,
чтобы, умирая, воплотиться
 в пароходы,
 в строчки
 и в другие долгие дела.

Что же, «золушкам» в других городах и весях нашей страны остаётся только надеяться на подобную щедрость столь редких нынче меценатов (горицветов!) и/или волшебниц...

Диалектные слова села Надежда в произведениях В. И. Сягнуевой

*Гадлевская Валентина,
учащаяся МБОУ «СОШ №13»*

Знаменитый исследователь русской народной речи, писатель и языковед В. И. Даль писал более двухсот лет тому назад: «Кто не узнает при первой речи уральского казака по резкой скороговорке его; донца – по особенной примеси южнорусского говора. Кто не узнает сибиряка, между прочим, по одному его вопросу: чьих вы? вместо: как вы прозываетесь?; особенно ростовца, по приставке де-, ди- и по слову родимый; новгородца, который говорит: «хлиба ниту, сина ниту, совсим беда...»

Но ведь В. И. Даль писал о том, что было более двухсот лет тому назад. Ничего удивительного нет в таком речевом разнообразии, если учесть, что Россия почти сплошь была неграмотная. Теперь-то ведь совсем иначе...

И всё же эти различия сохраняются и в наше время. Почему? Да потому, что язык изменяется гораздо медленнее, чем общество.

Медленно изменяется не только язык литературный, общепотребительный, но и местные говоры. Правда, темп эволюции говоров в наше время выше, чем темп перемен, происходящих в литературном языке.

Из народной речи черпали выразительные средства лучшие русские писатели: А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов, Н. С. Лесков, С. А. Есенин. Именно этот источник питал и питает речь литературную.

А. С. Пушкин говорил о необходимости для писателя обращаться «к свежим вымыслам народным и к странному просторечию».

Многие диалектные слова, знакомые нам по художественной литературе, не стали общеупотребительными, да, может, и не станут никогда: писатель мог использовать их для целей, обусловленных характером данного произведения, его стилистикой, эстетическими задачами.

Это мы можем сказать и о произведениях Валентины Ивановны Слядневой, родившейся в селе Надежда.

Мне близка проза писательницы. Уже третий год я участвую в конкурсах чтецов различных уровней и для своих выступлений выбираю отрывки из рассказов В. Слядневой. Я вижу, какой интерес вызывают произведения писательницы. Всегда удивлялась языку произведений, не всегда понятному, но такому близкому, родному. Было много вопросов, на которые всегда искала и находила ответы. Именно это подтолкнуло меня к написанию исследовательской работы.

Сочным, колоритным языком разговаривают герои Валентины Слядневой. Это язык села, с детства знакомый писательнице.

Казацкий край, населенный русскими, украинцами, армянами, даргинцами, греками и живущими здесь в смешении и общении, породил особый, ставропольский, диалект.

Иначе и быть не могло. Ведь «понаехали» сюда и хохлы, и кацапы, перемешали разговорный язык так, что и не пытайся передать его особицу: всё тут! И «друзьяки», и «товарки», «як же ты хочешь», и «а вы не бачилы?». И потекла живая народная речь, как река, то усыхая, то раздуваясь вширь» (из рассказа «Вслед жизни»).

Проза и поэзия В. И. Слядневой наполнена глубокой любовью к Родине. И не только к России, но и к своей ма-

лой Родине, где на широких полях «струны спелой пшеницы», где «терновник у круч», где «равнины, распады, пригорки в дождях и туманах», где в степи «бегут волной веселой ковыли», где по колее

Васильковые осыпи,
Синий мираж...
Выгон полынный,
Овраги раскосые,
Что за пейзаж...

Всё это – родное место, в котором она родилась и выросла. Изображение природы родного села, края, нравов и обычаев ставропольских мужиков и баб, казаков и казачек, их быта, их надежд, их чувств не было бы таким достоверным, если бы не соответствующее языковое выражение: в слядневской прозе и стихах немало местных ставропольских слов. Диалектизмы активно живут в поэтическом слове В. И. Сляднейвой. По-особому вплетенные в ткань прозаической и стихотворной речи, они помогают создать неповторимый творческий почерк поэтессы.

Основную часть этих территориально ограниченных в употреблении слов и форм составляют «провинциализмы», принадлежащие ставропольским говорам, в том числе и говорам малой родины поэтессы – села Надежда.

- Где-то здесь – как в прошлом прадед
Дед мой делает *саман* (*кирпич-сырец, с примесью навоза, соломы*)
- И отцовская *литовка* (коса, изготовленная литьем)
Окунается в зарю...
- Соседка та догадлива была:
Она несла нам молока *махотку*... (*кувшин*)

- Скажет мать и пуще прежнего
Чугунками загремит... (*крупный сосуд, горшок из чугуна*)
В тесто отруби подмешаны,
Словно **жмых** оно на вид. (*продукт, получаемый после отжима растительного масла*)
- Род наш не был робким,
Не был и **ладачим** (*уживчивым, живущим в мире; спориться, идти гладко как по маслу, слаженность*)
- И как отец, над **люлькой** помолчав, (детская колыбелька)
Ушел навстречу ураганным битвам.

Диалектизмы не всегда понятны современному читателю, нуждаются в толковании, но иногда только они могут точно описать конкретный предмет, действия, признак.

Иногда и хорошо знакомые нам слова передают в стихах В. Слядневой не совсем то содержание, к которому мы привыкли: «А на лавке за солонкою шелуха сырых яиц», – прочитала я в стихотворении «В хате».

«Почему солонка на лавке?» – заинтересовалась я. К сожалению, «словарь языка В. И. Слядневой» в книге не дает никаких пояснений. «Почему солонка на лавке?», – об этом спросила я у старожилы. Вот что она поведала мне: «Потому что солонка в деревенской избе, хате – это деревянная миска (чашка по-надеждински), наполненная крупной грубого помола, обычно стояла на лавке у обеденного стола. Лавка же не скамейка, которую можно было переносить с места на место, а неподвижно укрепленная вдоль стены толстая доска для сидения. Лавки были очень широкими, на них спали».

Вот так с помощью старожилы я расшифровала это предложение. Верно подметила главная героиня в рассказе

«Перепелиная душа»: «Село оно тоже свой ключик имеет, его и отворить не каждому дано».

Со словом «шелуха» я разобралась сама. Ведь у современного читателя с этим словом связана ассоциация с семечками, орехами. У Слядневой же *шелуха* – скорлупки от яиц.

Так Валентина Ивановна пробудила во мне желание вникнуть в прелесть простонародной речи, увидеть меткость сравнений, простоту, чарующую силу народной речи.

В. И. Даль писал: «Я утверждаю, что все должны изучить простую и прямую русскую речь народа и усвоить её себе, как всё живое усвоет себе добрую пищу и претворяет её в кровь и «плоть»».

А В. И. Сляднева в книге «Перепелиная душа» пишет: «Люди, которые меня окружали, близкие, к которым я относилась с настоящей душевностью, которых я любила, печалят меня тем, что многих я уже не встречаю... Оттого, наверное, мне хочется собирать этих людей воедино, заставить говорить их своими голосами». Что ей и удалось.

Вот Груша Поминова, а рядом Дарья Кукова, Валька Пасашиха да Верка Поминова, а с ними колоритная фигура Натальи или просто Амвросевны, а за глаза – Хвандевны. Все они говорят живым народным языком. «Некогда им *лясы* (говорить) точить, да *валандаться* (бездельничать), лучше *копанёк* (неглубокий колодец без сруба) выкопать».

И что интересно, В. И. Сляднева называет так героев: «Валька, Верка, Манька», – что свойственно именно разговорной речи жителей села.

Я попыталась узнать, найти прототипы героев произведения, но, к сожалению, Валентина Ивановна взяла только фамилии.

В рассказе «Полоска земли» писательница упоминает фамилию Ельничихи Катерины. Я решила обратиться к внучке Ельниковой, но не Катерины, а Матрёны. Встречаясь и разговаривая с ней, я пришла к выводу: писательнице надо было, чтобы жители села «заговорили своими голосами».

И каких только слов я не услышала! В разговорной речи надеждинцев можно услышать: «это дело особая; вышла распоряжение; пинжак раздел». Это специфически надеждинское противопоставление литературной норме.

Но, с другой стороны, например, слово – «*тёмка*». Так красиво и ласково называют в Надежде «ночку темную», а о самой темноте ещё и скажут: «глаз выколи!».

А вот слово «*улита*». Лексическое значение – «медлительный человек». О таких людях даже поговорку сложили: «Улита едет – что-то будет».

Интересно слово «*завалинка*». Это лавочка, скамейка, сделанная из камня, на которой собиралась молодежь, пела песни. В Надежде даже частушку поют:

На узенькой завалинке
Сидят все да по парочке
А я, *габла* сирота, –
На широкой, да одна!

Слово «*габла*» (*худая, плоская женщина*) упоминает и В. И. Сляднева в рассказе «Полоска земли». Происхождение этого слова неясно... Возможно, от «габра». У В. Даля – габаря – плоскодонное судно, лодка – плоскодонка.

В «Словаре синонимов русского языка» под редакцией Евгеньевой А. П. в словарной статье «Метель» приводятся слова «метелица», «пурга», «буран». Удивляет синонимический ряд в диалекте жителей села. Здесь «пурга» – это «пурган» и «непогодь», и «курга», и «хурта».

А как красив синонимический ряд в слове «тропа» – это дорожка, бегущая через поле, ступень, стега, стежка. Заметьте, именно – стёжка.

Такие словообразовательные модели, думаю, будут со временем удобным «строительным материалом» для написания художественных произведений.

Впервые встретила выражение от жительницы села Колесниковой Лидии Григорьевны *«росная вода»*. Оказывается, это вода, собранная при помощи чистой скатерти на Ивана Купала. Скатерть «мочили» в росе, выжимали, разрезали «бурак» и этой «росной водой» умывались и кропляли стены дома.

В рассказе В. И. Слядневой читаем: «Трава такая высокая от росы. Я теперь вырасту тоже, большая буду, коли выкупалась в росе».

Обычаи народа, родная речь органично вливаются в общий поток как поэтического, так и прозаического слова писательницы, позволяют её писать по-свойски, самобытно. Ведь Валентина Ивановна отбирает из языка народа наиболее ценный и выразительный материал и диалекты функционально преобразовываются, выполняя роль не только обозначения, но и приближают текст к языку общения.

Я считаю, что диалектные слова и выражения во многом приобщают нас к народным источникам и историческим этапам развития нашей культуры. И в этом его неоспоримая ценность и значимость. Диалекты, используемые в меру и к месту, придают определенный настрой, подчеркивают эмоциональность, вносят в текст художественной литературы оттенок доверительности.

Работая над темой «Диалектные слова села Надежда», я прихожу к выводу, что диалектные слова не могут исчезнуть, раствориться в общем языке под влиянием отточен-

ных норм литературного языка даже при самом большом желании. Ведь просторечное слово бывает невозможно заменить нейтральным словом.

«Слово – одежда всех фактов, всех мыслей», – писал А. М. Горький. Этими словами писатель подчеркивал неразрывную связь между содержанием и формой высказывания. Эту «одежду» необходимо подбирать «по мерке» и «со вкусом». А значит, в первую очередь важно учитывать присущее каждому слову значение. И как же здесь не обойтись без диалектных слов, языка народа. «Ведь в языке одухотворяется весь народ и вся его родина», – писал К. Ушинский. А творчество писателей невозможно без опоры на жизнь, действительность. Как бы ни была сильна творческая фантазия писателя, она просто не в состоянии в одиночку, в отрыве от народной среды создать всё духовное богатство, все то содержание, которое составляет подлинное художественное творение. И можно с уверенностью сказать, что ставропольский язык и говор живет в произведениях В. Слядневой, В. Нарыжной, И. Кашпурова, В. Бутенко и многих других.

Татьяна Карповна Черная

Недавно мы навсегда попрощались с известным литературоведом, профессором СКФУ, творческой личностью – Татьяной Карповной Черной. В сборнике Шестых литературных Слядневских чтений мы не можем не вспомнить этого замечательного ученого-филолога, к трудам которого мы многократно обращались и будем обращаться еще многие годы.

Литературовед – профессия не самая публичная, тем не менее, профессор Татьяна Карповна Черная была на Став-

рополье известным ученым-популяризатором и неутомимым просветителем. Каждая ее лекция, – звучащее художественное слово. Они были глубоко осмысленны на базе энциклопедических знаний, высокого интеллекта и исследовательского труда. Т. К. Черная прочла невероятное количество лекций для учителей края, начинающих литераторов, библиотекарей. Она часто давала интервью, всякий раз образно и сочно рассказывая о русской и прежде всего ставропольской литературе.

Т. К. Черная была универсальным культурным экспертом в вопросах русской литературы, и, что нам особенно дорого, краеведческой литературы.

Родилась в 1938 году. В 1960 году окончила филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Начала работать учителем средней школы, с 1966 г. – в Ставропольском государственном университете (с 2005 года в должности профессора). Область научных интересов – русская классическая литература, историческая поэтика, история русской литературной критики, региональное литературоведение (история ставропольской литературы). Ею написано более 130 научных трудов.

Татьяна Карповна была важнейшей фигурой в культурной жизни Ставропольского края на протяжении многих десятилетий. Она чутко чувствовала время, в котором жила. Вопросы литературы, которые она поднимала в своих лекциях, актуальны и сейчас. Это мысли мудрого человека и педагога.

И мы рады тому, что были с ней дружны, и что она позволила нам использовать ее работы для просветительских целей.

Список литературоведческих публикаций:

1. Черная, Т. К. Впереди – детство. Романтики и сказочники : критико-литературоведческое исследование / Т. К. Черная. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1990.
2. Черная, Т. Жить – значит, беречь память : к 75-летию краевой писательской организации // Лит. Ставрополье. – 2012. – №3. – С. 219.
3. Черная, Т. К. Поколение // Русская литература Северного Кавказа: исследования и материалы / под общ. ред. В. А. Шаповалов. – Ставрополь, 2011. – С. 147-162.
4. Чёрная, Т. К. Поэзии живые строки : к 75-летию со дня рождения Александра Ефимовича Екимцева / Т. К. Чёрная // Ставропольский хронограф на 2004 : краевед. сб. / Ставроп. гос. краев. универ. науч. б-ка им. М. Ю. Лермонтова ; отд. краеведения. – Ставрополь, 2004. – С. 160-166.
5. Чёрная, Т. Романтика детства: о стихах для детей А. Екимцева / Т. Чёрная // Ставрополье. – 1971. – № 4. – С. 57-61.
6. Черная, Т. К. Русская литература XIX века : учеб. пособие по направлению 031000 и специальности 031001 «Филология» / Т. К. Черная. – Ставрополь: СГУ, 2007. – Ч. 1. – Гриф УМО по классическому университетскому образованию. Кроме того, всего около 180 статей, тезисов, рецензий по разным проблемам русской литературы.
7. Чёрная, Т. Своя тема: Екимцев Александр Ефимович / Т. Чёрная // Творчество: очерки, воспоминания, штрихи к портрету. – Ставрополь : Кн. изд-во, 1982. – С. 149-160.

8. Черная, Т. К. Три основополагающие художественные концепции у истоков русской литературы / Т. К. Черная // Вестник СГУ. – 2004. – Вып. 39.
9. Черная, Т. Фронтовые рубежи Ставропольской литературы // Лит. Ставрополье. – 2015. – №2. – С. 281-314.
10. Черная, Т. «Я обнимал березовую рощу – с тех пор она звучит в моей судьбе» / Т. Черная // Лит. Ставрополь: альманах. – 2013. – № 4. – С. 291-316.
11. Гаазов, В. Л. Ставропольеведение. Ч. 1 / В. Л. Гаазов, Т. К. Чёрная. – М. : Надыршин, 2010.
12. Частица Родины моей : хрестоматия по литературе Ставрополя / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации; Ставроп. гос. ун-т; авт.-сост. Т. К. Черная. – Ставрополь : Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 1999.
13. Частица Родины моей : хрестоматия по литературе Ставрополя (в системе Брайля) / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации; Ставроп. гос. ун-т; авт.-сост. Т. К. Черная. – Ставрополь : Ставроп. краев. б-ка для слепых, 2003.

Стихи как биография и творчество

Черная Татьяна Карповна

Что у литературы Ставрополя есть своя история, сейчас никто не сомневается. Проблема заключается в том, чтобы эту историю не забыть и не исказить, чтобы под новым, сегодняшним углом зрения объективно оценить день вчерашний, чтобы под влиянием современного снобизма, обусловленного порой не талантом, а просто желанием «себя показать», – не растоптать живые корешки традиции. Литература, как известно, состоит не из одних

классиков, и чем ближе к нам, к нашему времени, тем меньше «классиков» мы видим, тем важнее представляется сам процесс литературной жизни, общая картина вхождения жизни в литературу и обобщения (да иногда и открытия) в ней тех законов, тех существенных отношений, по которым живет в этой жизни человек. Поэтому нам периодически необходимо обновлять и восстанавливать память о почве, взрастившей наши дни, не отбирая полезных для себя удобрений, а сохраняя все, что давало жизнь.

В ставропольской литературе, как, очевидно, во всех областях нашей жизни, периодом расцвета стали 1960-е годы. Тогда сразу появилось много имен, регулярно издавался альманах «Ставрополье», именно тогда приобретший читательскую популярность. При активном жанровом разнообразии творчества (писались романы, повести, детективы, циклы рассказов, поэмы, стихи разнообразных форм для взрослых и детей) литературный процесс приобретает стабильность, позволяющую поэтам и писателям определить свою тему, свой почерк и стиль. Тогда зазвучали в поэзии имена Г. Фатеева, И. Кашпурова, В. Ащеулова, В. Гнеушева, А. Мосинцева, А. Екимцева, И. Романова, В. Слядневой, Р. Котовской и др. Все они нашли свою дорогу, состоялись как поэты. Одни сосредоточились на глубоко самовыражении. Другие нашли вдохновение в тех внешних обстоятельствах действительности, которые пронизали их жизнь и жизнь всех людей вокруг.

Таким был В. А. Ащеулов. Его стихи – это биография человека, прожившего свою жизнь вместе со всеми, прошедшего вместе с другими, такими же, как он, через все исторические события, потрясшие нашу родину.

Его рождение – «в насквозь простреленной деревне» Алтая, детство в сложные 20-е годы. Потом – начало Великой Отечественной войны: «И Родина, назвав меня солда-

том, отправила в теплушке на войну». Его человеческая зрелость – фронтная дорога, осмысленная им самим не только как суровый факт собственной жизни, сколько с общенародной позиции, когда «вслед глядит Россия и ждет победы от тебя».

О В. А. Ащеулове можно сказать, что личная судьба этого человека – не судьба поэта, а судьба гражданина, сложившаяся в той значительной части русской культурной традиции, которая обозначена словами известных классиков XIX века: «Я не поэт, а гражданин» и «Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан». При этом вспомним, что оба процитированных автора были прекрасными, самобытными поэтами. Конечно, подняться до той точки зрения, где звучит мысль, что «цель поэзии – искусство», и одновременно вместить в эту творческую цель идеи, которыми болеют современники, откликаясь на события повседневности, дано не каждому. Это удел великих поэтов. Но еще раз подчеркнем, что на фоне сияния крупных поэтических звезд нельзя отказать в большом значении звездам средней и малой величины, подпитывающим источник света и выравнивающим его.

В жизни В. Ащеулова был момент, когда он почувствовал в себе поэта. Задумываясь о своем предназначении, он определил два истока своего творчества. Первый – связь с «судьбой народной». Второй – внутренний свет, огонь слова, живущего независимо от отдельно взятого человека и отмечающего печатью отнюдь не всех:

А может, я начну с того мгновенья,
Когда мне слово сердце обожгло,
И первое мое стихотворенье
Передо мной на цыпочках прошло.

И тогда стало проситься в стихи все: поющий в степи жаворонок, пробившийся из-под земли родник, голубой туман в низине поля, поседевшая голова солдатской вдовы, таежные костры и дороги, сибирские пельмени, горе и счастье женщины, тепло родного дома, отцовские задумки, пляска на деревенской улице – вся повседневная жизнь. А военная тема стала главной. Это события, о которых нельзя забывать, и образы здесь подсказываются чувством, которое никогда не ослабевает.

Известно, что в лирике время всегда настоящее, потому что все, что уже было, переживается заново и сейчас. Ащеулов часто пишет о прошлом. Оно в его воспоминаниях, в его раздумьях. Вряд ли эти раздумья можно назвать философскими. Однако философия может существовать как учение, обобщение фундаментальных законов бытия, а может реализоваться в каждом дне жизни простого человека. Именно такая философия имеет место в стихах нашего поэта. Его чувства, можно сказать, всегда «идеологичны», правильны, при этом всегда добры и красивы. Таков, например, символический «Жаворонок»:

В полях, над пахотой весенней,
Где труд людской – как благодать,
Он, высь прозванивая пенем,
Поднялся так, что не видать.

И меж землей и поднебесьем
Сучит, сучит живую нить,
Как добрый знак того, что песню
И труд
Нельзя разъединить.

В прошлом поэт находит эпизоды, подтверждающие его сегодняшнюю позицию. Ему важны истоки и корни, но

осмысливает он их по признаку моральной ценности для сегодняшнего дня. Это временный вектор естественно протягивается до нашего времени.

Когда уходят в жизнь ученики,
Учителя, оставшись на пороге,
Зачем-то долго трут свои очки
И после
 долго
 смотрят вдоль дороги.
Я думаю об этом без конца,
И тайный смысл становится понятен:
Все, что прошло сквозь их сердца,
Должно в дорогу уходить без пятен.

Эпизод-картинка в этом стихотворении – явное наблюдение того, что было однажды. Но общий пафос отмечен постоянным временем. Если это есть, то должно быть всегда. Тем более, что речь идет не о прощании учителей с учениками, но о самой сущности учительской профессии: жизнь, ее будущее проходит сквозь сердце учителя, и все самое лучшее человек приобретает у своего учителя.

Другой пример соединения времен в общей моральной идее: воспоминания о детских годах в деревне связаны у поэта, прошедшего много жизненных путей, с «частушкой»:

... что в дороге
Часто слышал от отца:
«Побывал бы я в деревне,
Поглядел бы на котят.
Уезжал – слепыми были,
А теперь, поди, глядят!»

Что-то такое доброе и теплое в отцовской «частушке»! И в то же время – глубокая мысль о вечном изменении, о неизбежном наступлении зрелости, которая начинает «глядеть», о желании отцов увидеть эту зрелость, понять, что же рассмотрят в нелегких жизненных перипетиях его любимые «котятка». Это стихи о поколениях, чья связь воспринимается поэтом сквозь добрую иронию, перемешанную с едва скрываемой грустью. Вот эта доброта старшего, оставшаяся в памяти сына, уже успевшего на многое «поглядеть», и есть постоянная моральная ценность, так вроде бы легко и в то же время так прочно утверждающаяся в стихах В. Ащеулова о своем прошлом. Этот поэт вдохновляется всем, что говорит ему о родном, о родине. Но в отличие от многих он не сосредоточен на своей деревне. Он умеет органично увидеть родину в ее огромных пространствах, в разнообразии ее природы и, в особенности, в безграничном разнообразии жизненных проявлений и в ее истории, и в той настоящей жизни, которую ему самому пришлось прожить. О каком бы событии он не писал, всегда ощущается его присутствие, как будто он сам участвовал в цыганском кочевье с кострами, плывал по Каме-реке в Емелькиных лодках, сидел рядом с Павлом Гречишкиным, создавшим живописные полотна, ехал с неизвестными людьми куда-то очень далеко, оставив дом с заколоченными окнами, или побывал в андалузской стороне, уловив русские нотки в звуках испанской скрипки и в поэзии Гарсиа Лорки. Все это признак хорошего поэта, способного вместить в свой внутренний мир и большое событие, и масштабную идею, и любую жизненную мелочь. В некоторых стихотворениях поэт обыгрывает бытовые и этнические детали, поднимая их характерные черты до символически национального содержания. Он включает в лирику сюжет, разворачивает характеры персонажей и

снова, как и везде, окрашивает лирическое повествование добрым и гордым чувством русского человека, точно знающего, что родина – это его глубинная внутренняя ценность...

Стихов, посвященных родине, у Ащеулова очень много. Все они разные. Есть и такие, в которых общие для всей русской поэзии образы, вносят еще одну каплю в трогательный, берущий за душу мотив:

Я прошу – не пугайте седых журавлей,
Дайте сил им и духу набраться, –
Чем дороже родная земля и милей,
Тем трудней от нее оторваться.

...Судьба поэта, конечно, его творчество. Как видим, творчество Ащеулова откликается на все, что есть вокруг, и вдохновляется тем, что определяет его самого как личность. Однако есть одна тема, которая, будучи общей для всех, все же волнует этого поэта больше всего. Это тема войны и солдатской жизни... В любом сборнике стихов Ащеулова звучат стихи о войне, о фронтовых буднях, о солдатском подвиге, о результатах войны. Он признается в одном из стихотворений:

Каким бы ни предался я мечтам,
Мне не уйти от памяти суровой.
Былое неотступно по пятам
За мной шагает в зареве багровом.

Дата призыва на фронт для поэта – исходный рубеж. А понятие прифронтовой полосы становится метафорой трудного выбора и преодоления самого себя, когда есть понятие долга. Атрибутика военной жизни становится обрванной системой лирики: фронтовая дорога, сгоревшее село, блиндаж, разведка, загишь, которого на самом деле

не бывает, огненный шквал, музыкальный взвод, переход через зыбучие болота, все это пространство, наполненное тревогой, страхом, болью и – преодолением. И разве можно упрекнуть поэта в том, что он, как многие другие, обращается к образу, сто раз повторенному, для выражения памятного чувства? Делает он это по-своему:

Скорбно сникшие березы
В час рассветной полутьмы
Без конца роняют слезы
На могильные холмы.

...До сих пор мы говорили главным образом о содержании поэтического творчества В. А. Ащеулова. Но каким бы значительным оно ни было, поэзия не определяется только содержанием. Все же главное – это сама поэзия, ее неповторимое слово. В стихах Ащеулова есть свой стиль, близкий к разговорному, но все же в целом литературный. Это стиль, если можно так выразиться, самоконтролирующийся. В нем все в меру, все в пределах: если сюжет – то стремится к завершенности, если описание – оно охвачено общей мыслью, объединяет все созданные в нем образы; если повтор – то неслучайный; если посвящение – то создан образ адресата, а не свой собственный. Иначе говоря, нет стихийности, все подчинено замыслу. Можно спорить – хорошо ли это. Но ясно, что это говорит о большом чувстве ответственности автора за сказанное слово, о том, что поэзия для него – не птица Феникс, а серьезное дело, профессия, и очень трудная, хотя, очевидно, и фатально неизбежная, единственно возможная форма словесного существования. Он стремится к точности образа, чаще всего добивается этого, но как всякий творческий человек, остается недовольным собой, и снова стремится к новой точности.

Эвтерпа, потерпи!
Дай мне собраться с духом,
Вернее, дай мне дух перевести!
Все, что во мне – таинственно и глухо,
И ты за немоту мою прости!

Небольшое по объему, творчество Ащеулова характеризуется жанровым разнообразием – стихи чисто лирические, стихи лироэпические, сказы, послания, воспоминания, баллады, четверостишия. Опыт привлечения стихотворных размеров тоже достаточно богат. Все это достойно того, чтобы этот поэт не был забыт, чтобы к его наследию стоило возвращаться, вспоминая все, что он написал, но повторяя лучшее.

И тихий шорох с потаенной грустью
Во мне печальной музыкой звучит
О том, что и меня с любимой Русью
В час листопада время разлучит.

Или о снеге – писательское восприятие образа:

И эта белизна и чистота
Меня уводит в прожитые годы.
На время исчезают все невзгоды,
И даль – как свежесть чистого листа.

И разумеется – это:

Есть фронт и тыл.
Есть гибель и бессмертье.
Есть в жизни и другие полюса.
И есть еще на этом белом свете
Прифронтная полоса.

**«Я обнимал березовую рощу –
с тех пор она звучит в моей судьбе»**

Черная Татьяна Карповна

...Александр Ефимович Екимцев был одарен редким даром – видеть и чувствовать мир детским взглядом. То, что написано им, – здоровая духовная почва, способная вырастить доброго и чуткого человека. Первые моменты восприятия мира, отразившиеся в переживаниях героев детской поэзии Екимцева, органично и тепло включены в тот ненавязчивый воспитательный процесс, источником которого является слияние мира природы и мира человека. Он умел всю жизнь сохранять в себе особый светящийся, играющий, растущий мир, тот мир, в котором не отделены друг от друга жизнь человека и жизнь природы, где нет усталости и рефлексии, где чудеса происходят естественно, являясь нормой жизни, – мир нерушимой гармонии, о ценности которой не надо думать, как мы не думаем о ценности воздуха, которым дышим, и воды, которую пьем. Писать для детей – особый талант, требующий иногда полного перевоплощения человека. Основная тема «детских» стихов Екимцева – ребенок и природа. При этом дети и природа остаются везде сами собой, Природа воспринимается поэтом не в пейзаже или в календарном времени. Она существует преимущественно в детских чувствах, в любопытстве детского приобщения к ее тайнам, к ее красоте, разнообразию и свободе, которые равнозначны тем же свойствам детской натуры. Жизнь всего окружающего мира характеризуется веселой сказочностью, наполненной одушевленными, очеловеченными образами природы, волшебно преобразованными в своем простом и удивительном мире, – очень похожем на мир детей. Эта

сказка, не ограниченная жанровыми рамками, обаятельна именно благодаря авторской любви ко всему, о чем идет речь. Будь то лохматый дедушка-туман, такой рассеянный и добродушный, такой незлобивый и смешной дед, да еще и с дырявым карманом, где спрятаны всяческие природные богатства: и лес, и поля, и копны, и даже солнышко. Будь то зимняя вьюга, своим горьким плачем пробуждающая в себе трогательную детскую жалость – может, ее кто-то по лбу хлопнул, может, в прорубь провалилась, может, заблудилась в лесу, – жалко ее, а виновата оказалась сама, все тропинки замела и увязла в снегу, а теперь ревет, глупая. Будь то озорные дорожки-длинноножки, непоседы и шалуны, с их любопытством и бесконечными царапинами на ногах; или это веселый ветерок, примеряющий шляпу, или малая зверюшка ежик, рассыпавший свои иголки под деревом и теперь собирающий их в колючий пиджачок.

Сборники детских стихов Екимцева издавались с иллюстрациями, больших и маленьких форматов, предназначаясь для широкой детской публики: «Дедушка Туман», «Деревушка на сосне», «Сто загадок» и многие другие не залеживались ни в библиотеках, ни на полках магазинов. Поэт присутствует в своих стихах как органическая частица движущейся, непосредственно живущей природы, как самый зоркий из ребячьей ватаги, свободно впускающей в себя все разнообразие неумирующего, интересного, дружественного мира. Радость общения с природой, ее своеобразное детское восприятие фейерверком разворачивается в своеобразном перевертыше про зверюшек, невероятном в познавательном отношении, но энергичном и смешном:

Жарким днем лесной тропой
Звери шли на водопой.

За мамой слонихой
Топал слоненок.
За мамой лисицей
Крался лисенок.

За мамой ежихой
Катился ежонок
За мамой медведицей
Шел медвежонок.

Но вдруг из-под ног их
Вспорхнули тетери! –
Тут бросились
В разные стороны звери...

В испуге лисица
Схватила слоненка.
В испуге слониха
Схватила лисенка.

Медведица – мама
Прижала ежонка
Ежиха с собой увела
Медвежонка.

Кроме жизнерадостной анималистической нелепицы стихотворение создает картину единого в своих чувствах и отношениях мира. И перевертыш здесь – не нарушение этого единства, а напротив, хотя и забавное, но именно его подтверждение:

Копает слоненок
В овраге нору.
Таскает лисенок
Бревна в бору.

Сосет свою лапу в берлоге
Ежонок.
С ежихою ловит мышей
Медвежонок.

А где-то в испуге
Летают тетери.
Им всюду мерещатся
Страшные звери!

Персонажи стихов А. Екимцева для детей – природа, автор и ребенок хорошо понимают друг друга. «Драгоценная способность сопереживать, сострадать, сорадоваться, без которой человек – не человек (К. И. Чуковский) органична для А. Екимцева.

А. Екимцев любит пытливый, исследовательский, размашистый ум ребенка, его ершистую мечтательность, его любознательную увлеченность. Как сделать ливень и молнию, как сделать полюшко заречное, как сделать небо и яркие звезды? – такие вопросы задает себе главный герой стихотворений Екимцева. Он многое может, но хочет все. В стихотворении «Радуга-дуга» художник обещает на небе нарисовать дугу только нужно краски разной триста бочек, да еще триста, да еще сто, и все это надо поднять на тучи.

И тогда зимою даже
Будет радуга-дуга!

Космические масштабы детской мечты передаются автором с той простотой и ясностью, которая свойственна конкретному детскому мышлению. Поэт создает образ маленького романтика, психологически очень верный, в котором воплощается повседневное житейское чудо: ребенок, частичка огромного мира, не повторяется в нем, не поглощается им, а вбирает в себя, впитывает все большое,

мир начинает сосредоточиваться вокруг него, входит в него огромным нравственным грузом, и чем тяжелее эта ноша, больше отзвуков рождается в душе ребенка, тем явственнее мерило его формирующейся взрослости. Постепенно рождается мироощущение, и уже оно теперь становится путеводителем по жизни. Все начинается с детства, и с самых первых лет жизни человека нужно вводить ему профилактическое противоядие от бездушия. Потому-то, думается, романтическое, доброе, счастливое восприятие жизни, окрашенное присутствием или же предчувствием волшебства, которое мы находим у А. Екимцева, и служит в его поэзии для детей свидетельством ее постоянной современности. Его герой-ребенок полон всевозможными чувствами, в нем постоянно бродит интерес к окружающему, и всегда это добрый интерес.

Поэт любит стихи-шутки, стихи-загадки, стихи игрового характера. Он любит выступать перед детьми, они легко откликнулись на его заразительную душевность, на создаваемые им игровые ситуации, охотно и с удовольствием подключались к совместному стихотворчеству. А таких выступлений было немало – в школах, в сельских клубах, в библиотеках. Детская поэзия А. Екимцева ценна легкостью и выразительностью стиха, светлым и одухотворенным жизнеощущением, пониманием детской психологии.

...Можно написать о костре, о лесных зверюшках, о скворечниках. Но хорошие стихи для детей – ...о самих детях. Это значит, что, познавая и обобщая характер ребенка, поэт умеет эмоционально воздействовать на формирование его личности. В стихотворении «Деревушка на сосне», где рассказывается о том, как теплый южный ветер обнаружил на сосне девяносто три избушки для скворцов, смастеренные ребятами.

А потом зашел на почту
И сказал он дятлу вот что:
Ты не в службу мне,
А в дружбу
Телеграмму дай весне.
Сообщи ей:
Обнаружил
Деревушку на сосне.

Здесь нет речи о том, что это очень хорошо, что ребята молодцы, что птицам надо помогать, здесь нет банальности. Это опять-таки живое ощущение жизни, с ее задором и сказочностью.

Недаром мы встречаемся здесь снова с гиперболой (93 избушки) и с одним из любимых волшебных образов поэта:

В шубе заячьей, лохматой,
Разорвав сучком карман.
Будто сторож бородатый,
Под сосной дремал туман.

Екимцев пробуждает вкус к жизни, и не только тем, что останавливает внимание своих читателей на разных ее моментах, но главным образом тем, что постоянно делает открытия: это порой забавная нелепица, так импонирующая детям, порой маленькое чудо, порой просто игра... А если говорить о том, «что творится за горами», «что творится за морями», то конечно, там волшебные страны, полные веселых сказок. там такие чудеса, о которых можно рассказывать только хорошо зная детскую психологию, с характерным сочетанием в ней юмора и доверчивости.

Там в дупле кривой осины
Пауки плетут корзины,

Ветерок, сбежав с горы,
Надувает всем шары...
Полосатые пижамы
Шьют детишкам зебры-мамы...
Над рекою в кузне новой
Гром кует блохе подковы.
По дорожке, что в овсе,
Мчится пыль на колесе...

В двух стихотворениях, где что ни двустишие, то новая фантазия. Взгляд современного человека здесь находит опору в древних анималистических и стихийных архетипах, выявляя постоянные ценности жизни, с которыми так неосторожно обращается сегодня человек.

...А. Екимцев не лишен фундаментальных качеств любого серьезного поэта, касающихся прежде всего индивидуальной трансформации древних и классических традиций. Символика природы – это еще и символика жизни вообще, вечной жизни. Так получается в стихах о войне. Это – одна из самых важных и глубоких страниц поэзии А. Екимцева. Здесь образ становится емким, многозначным. Фольклорные традиции (символика чисел, живая природа) создают образ памяти сердца и памятника погибшим на войне:

Не забыто, что когда-то,
Хоть немало лет прошло,
Триста тридцать три солдата
Не пришли в свое село.
Вербы гнутся, ивы гнутся
У Днестра и у Донца.
Никогда уж не вернутся
Триста тридцать три бойца.

Печально склоненные ивы и вербы – народный символ слез. Но жизнь продолжается, поэтому рядом со скорбным образом встает другой – березовую и рябиновую рощу посадили дети, чтобы люди помнили о павших бойцах, и теперь вечный огонь рябиновых ягод пылает для всей земли. Подобным образом и древний знак переселения мертвых в небеса – звезда – превращается в мощный образ движения и жизни, образ Млечного Пути в бесконечном пространстве человеческой памяти:

Но ради светлого в мире,
Времен величавой гряды.
Вспыхивают над околицей,
Над вполночь летящей конницей
Четырежды по четыре,
Четырежды по четыре,
Четырежды по четыре,
Вместо одной звезды.

Стихи о войне этого поэта несут в себе впечатления его детства, хотя в то же время и глубоко общечеловечны. Им написано несколько поэм на эту тему: «Брянский лес», «Фронт под облаками», «Кавказ в 1942 году», «Города-герои». Основой содержания этих произведений является мысль о страдании тех, кто по сути своей должен радоваться и радовать других, о страданиях природы и детей. Однако и природа, и дети воюют с врагом, не жалуясь на свою участь, – и в этом залог вечной памяти о жестоком и героическом времени. Лиризм военных стихов Екимцева основан на общечеловеческом масштабе чувства, на синтезе печали и света, скорби и жизнеутверждения.

Писал Екимцев поэмы не только о войне: поэма о матери, о Ставрополе. Поэмы его – скорее больше стихи, в которых сюжетное развитие не занимает важного в жанро-

вом отношении места. В них виден такой же «сердечный ум», как и в лирике. Особое место занимают большие стихи на темы, составляющие гордость нашего краеведения, о пребывании здесь Пушкина, Лермонтова, декабристов: «Дуб Лермонтова», «Пушкин в Ставрополе», «Декабристы на Кавказе». Автор хорошо почувствовал «общественную скорбь» декабристов, так что стихотворение Одоевского «Куда несетесь вы, крылатые станицы...» естественно вливается в общую стихотворную ткань. А настроение двух великих поэтов выразительно подчеркивает различие мироощущения двух гениев – глубокое принятие жизни, ее онтологической красоты у Пушкина и задумчивая скорбная печаль у Лермонтова.

...А. Екимцев поэт разносторонний. Все, чего касается его художественная мысль, превращается в эстетический факт и обретает философскую глубину. Кроме стихов определенной темы (как военные, например), у него есть стихи «обо всем», то есть о человеке и жизни, о природе и любви, о цветах и поэзии, – и в них обнаруживается свой почерк, во всем видна незаурядная личность человека, собственной болью отзывающегося на боль другого, на боль природы, на боль всего мира. Мироощущение во «взрослых» стихах этого поэта всегда окрашено грустью: радость вместе с легкой тоской, любовь рядом с печалью. Это придает его стихам задушевность и вызывает теплый отклик. В них есть всегда «эстетический центр», емкие строчки, вбирающие в себя всю гамму переживаний: «Светло в России от берез», «Я одинок, как острова Анжу», «Я обнимал березовую рошу – с тех пор она звучит в моей судьбе», «Слышишь сосны – стозвонные струны басовые – кто-то трогает, трогает в тихой ночи», и многое, многое другое. Эти строчки гармонируют с соответствующей

щим настроением, как музыка души, как собственное переживание каждого читателя.

...Оставаясь самим собой, Екимцев и во «взрослых» стихах создает одушевленный мир природы, причем, это мир вечно живой, со своими внутренними отношениями, конфликтами и сюжетами. К тому же этот мир эстетичен, красив, мифологичен.

Опять над степью и долиною,
И над извивом большака
Пускает стрелы журавлиные
Осенний день исподтишка.
Тайком из-за угла медвежьего,
Из-за осевших наземь туч
Он целится в рябину нежную,
Шумящую на гриве туч.

Легкость, музыкальность стиха создает впечатление свободной речи, которую, кажется, не надо было «сочинять», а она как будто пришла в голову готовая.

Любовь к людям, к природе, к жизни у автора бывает разной: печальной, легкомысленной, радостной, щемящей, огромной, маленькой, временной и вечной. Но она всегда – искренняя, и потому в его стихах нет фальши, надуманности, художественная выразительность в них достигается не мастерской обработкой стиха, а естественной адекватностью содержания и формы.

Стихи проверяются временем. Перечитывая сейчас, спустя достаточно много времени после смерти поэта, чувствуешь, что они уже перешли границу времени, они уже стали большой поэзией, которая будет востребована всегда.

Просто – о сложном

Черная Татьяна Карповна

Если говорить о писателе с собственной темой, если заметить, что в книге автора история накрепко связана с литературой, если видно, что интерес автора заключается в том, чтобы в современности увидеть мифологические корни, наконец, если отчетливо проявляется просветительское и учительское начало, то речь идет о Сергее Павловиче Бойко.

Он родился в 1932 году. К писательству, по его собственному признанию, его тянуло с детства. Но давались ему не истории с художественным вымыслом в основе, а такие вымыслы, в основе которых лежала подлинная история. В обращении к прошлому, вплоть до самых глубоких, даже архаических времен, при попытке оживить его всегда возникает элемент авантюры, приключения, легенды, сказки. Надо не просто хорошо знать исторический материал, надо в него погрузиться своими чувствами, своим воображением, логической фантазией, надо увидеть живые детали, окружить их моралью и нравами времени, иначе говоря, помимо знания законов чисто исторических, надо знать и понимать законы человеческого поведения и согласовать их с исторической логикой.

С. П. Бойко по образованию историк, окончил Ростовский педагогический университет. Поэтому в этой области он профессионал. Что касается других знаний, необходимых для избранного им жанра волшебной истории, то писатель пополнял их всю свою жизнь, изучая самые серьезные труды о фольклоре, о сказках, о жизни и творчестве А. С. Пушкина, Г. Х. Андерсена, Шарля Перро, о географии разных стран и континентов. Здесь и имена крупней-

ших ученых, таких как, П. Анненков, А. Афанасьев, А. Кун, Е. Мелетинский, В. Пропп, В. Аникин, А. Смирнов, Н. Новиков, Я. Каменский, М. Азадовский, Н. Петрунина, А. Слонимский, В. Непомнящий и многие другие. Здесь и масса перелистанных журналов, среди которых «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Наука и религия» и т. д. Такая гарантия авторской добросовестности лучшая рекомендация основательности и верности популяризируемых сведений. Популяризаторский жанр не превращается в вымысел, и рассказанному можно доверять. В коротких историях С. П. Бойко все верно.

Адрес книг Бойко – дети, и это много значит. Сам по себе принцип популяризации серьезного научного знания заслуживает всяческого одобрения. А если это не просто захватывающая выдумка, а вполне достоверный рассказ, только изложенный занятно и красиво, то можно считать, что детям крупно повезло. Можно, например, прочитать сказку А. С. Пушкина о царе Салтане, подивиться ярким образам и поучительному сюжету, получить истинное удовольствие. Но объяснить, что «все сказочные вещи и герои пришли в сказку из жизни», – это уже почва для определенной идеологии. Ведь не секрет, что современные дети знают не только мало сказок, но и очень рано под влиянием некоторых взрослых и своих товарищей убеждаются, что сказка – развлекательная ложь, в которую надо перестать верить, чем раньше, тем лучше. Но те, кто внушает подобное отношение к сказкам, – просто недостаточно грамотные люди, и им, как и их детям, весьма полезно почитать книги Бойко и подобные им. Автор рассказывает, например, о связи сказочного эпизода, в котором описывается, как Гвидона с матерью посадили в бочку и отправили в море, с древними обрядами инициации, превращения мальчика в мужчину, когда его бросали в открытую глотку

животного или рыбы, прообраз знаменитой «избушки на курьих ножках». Прошедший этот обряд мог претендовать на царское достоинство, – вот и получает князь Гвидон в свое распоряжение остров Буян. И остров этот – реален, и у него есть своя история.

Литературная сказка родственна народной. Из книг С. П. Бойко можно узнать о корнях этого родства. «Что за прелесть эти сказки!» – слова А. С. Пушкина, но они взяты писателем в качестве заглавия книги о тайнах народной сказки. Примеров много. Тот же обряд инициации уже в его первоизданном виде есть в этой книге. Обряд проходил в глухой части леса, обучение велось в необычного вида хижине. Из глубины веков старинные сказания донесли до нас воспоминания о ней в виде избушки на курьих ножках. Она находилась в глухом лесу и, скрытая от посторонних глаз, являлась как бы ключом в загробный мир. Каждый мальчик, прежде чем стать воином или охотником, должен был совершить путешествие к предкам. Во многих сказках героя проглатывает какое-то животное: или змей, или лев, или волк. Ученые считают, что в культовой избе сосредоточена память о языческих представлениях и о тех человеческих ценностях, которые складывались на протяжении веков общения с природой и реализовались в культовом поведении, перешедшем в сказку.

Или в книжке про Оле Лукойе проясняется образ огромной птицы Рухх из арабских сказок о Симбаде Мореходе. Образ составлен из восприятия людьми непонятных явлений, например, снега, который принимали за перья гигантской птицы; из воспоминаний Марко Поло, сопоставившую сказочную птицу с грифом, который, по словам некоторых очевидцев, мог поднять в воздух слона, бросить его вниз и питаться им. А еще была и экспедиция, обнаружившая скелет огромной птицы, названной «Эпи-

орнис». Таких объяснений много в книгах С. П. Бойко. Но при этом важно, что они не разрушают сказочный мир, не приводят к отрицанию сказки, а наоборот, подчеркивают ее художественный и обобщающий смысл.

Общий сюжет «путешествий» в сказочные страны не отличается у писателя особенной оригинальностью: к ребенку приходит во сне волшебник Оле Лукойе или ребенок сам становится гостем волшебной страны сказок А. С. Пушкина. Но это лишь приглашение к чтению, а дальше – любопытный взгляд детских глаз и доступный рассказ о сложнейших проблемах происхождения сюжетов, переходящих из устного творчества народов в литературную сказку.

Кто не знает с детства сказочных историй Перро! Но не все даже задумываются о том, что эти сюжеты не могли быть просто придуманы великими фантазерами. Сказки приходят из древности, в них – сложившиеся веками сюжеты, зафиксировавшие этапы развития отношений человека с внешним миром, а это очень серьезно. По сказкам изучаются истоки и корни нравственной жизни людей, по сказкам можно узнать о формировании культуры разных народов, в сказках отражены процессы исторического развития образного слова, сначала сакрального, а затем бытового, авторского, творческого. Спящая красавица, красная шапочка, красавица и чудовище и многое другое, вошедшее в обиход человеческого существования, – сначала выражало сущность древнего, даже первобытного мира. Как это возникало, во что выливалось, как превратилось в блестящую фантазию – об этом и пишет автор книги «Волшебная страна Пьера и Шарля Перро».

То же касается и русского фольклора. К каждому народу сказка шла своим путем, миф превращался в сказку на протяжении многих веков. В далекие времена несли их с

собой охотники, земледельцы, кочевники. Многие мотивы русских сказок посвящены мучительной гибели героя, который оживает благодаря волшебным помощникам и говорит одну и ту же фразу «Как долго я спал!». Путешествие героя всегда включает в себя мотив выбора дороги «Прямо идти – живому не быть». Во время учения юноши некоторых племен подвергались таким суровым испытаниям, что невольно верили в свою смерть. Задача обряда сводилась к тому, что один (ребенок) умирал, а второй (охотник) рождался. Переход границы миров был не только делом закалывания мужества, но и делом утверждения первоначальной, очень сильной морали. С другой стороны, нанесенные на тело знаки помогали отличить одного члена племени от чужака. С этим связаны и слова князя Святослава, во имя чести павших: «Мертвые сраму не имут!» Книги С. П. Бойко – для любознательных.

Но сказкой не ограничиваются интересы С. П. Бойко. Круг предметов, о которых он пишет, поистине энциклопедичен. «Мне страшно интересно было, – пишет он сам, – еще за школьной партой узнать, как человек придумал бумагу и научился писать, как он построил первый корабль и отправился в дальние страны, как человек изобрел воздушный шар и взлетел в небо. Я хотел узнать больше о пирамидах Египта, о висячих садах Семирамиды, о Новом Свете, который открывался не раз, о тайне греческого огня, о пропавших галеонах с золотом, и вообще, обо всем чудесном, таинственном и загадочном». Действительно, в разных книгах этого автора все, о чем он мечтал узнать и рассказать уже есть. «Загадки древних страниц», «Первобытные Архимеды», «Что за прелесть эти сказки», «У истоков великих открытий», «Корона императора Тиберия», «Кунсткамера», «Волшебная страна Шарля Перро», «Чудесные зонтики Оле Лукойе», «Великие сказочники мира»,

«Пылинки из океана вечности», – книги, вышедшие с 1974 по 1999 годы, в сущности, не только увлекательная популяризация увлекательных тайн, не только погружение в сюжеты сказочных сюжетов и героев. Это уже своеобразный справочник для всех, кому это интересно, это весьма полезное расширение страниц школьных учебников, оживляющее историю и соединяющее сказку с жизнью. Для ребенка все это – материал необычный, любопытный, позволяющий увидеть живую жизнь не только в сегодняшнем дне, но и в далеком прошлом. А вместе с интересом к таким историческим тайнам закрепляются чувства приобщения к глубинным истокам знания, к мышлению своего народа, к радости открытия. Любое научное знание теряет свою актуальность, если оно не приходит в область повседневности, если оно не становится всеобщим, не вырабатывает мировоззрения. Поэтому то, что сделал С. П. Бойко, имеет огромное значение для нашей культуры в целом. К сожалению, он не успел осуществить все свои замыслы. А их было много. Например, издание полного собрания сказок Шахерезады в адаптированном варианте для детей. Это было бы замечательно. Но и то, что у него получилось, что успелось, заслуживает нашей благодарности.

Система мотивов в лирике Валентины Нарыжной последних лет

*Бронская Людмила Игоревна ,
профессор СКФУ*

Специфика мотива в лирике обусловлена особенностями лирического текста и лирического события, которое изображается автором не как внешнее объективированное

«событие происшествия», а как внутреннее субъективированное «событие переживания». Поэтому в *лирическом произведении мотив – прежде всего повторяющийся комплекс чувств и идей*. Но отдельные мотивы в лирике гораздо более самостоятельны, чем в эпосе и драме, где они подчинены развитию действия. «Задача лирического произведения – сопоставление отдельных мотивов и словесных образов, производящее впечатление художественного построения мысли».

Так, можно говорить о «мотиве молитвенного послушания» или «мотиве исторической памяти», имея в виду то, что в различных фольклорных и литературных произведениях эти мотивы выражаются в форме конкретных событий:

«Этот день мне подарен Всевышним...», «Пасхальное», «Я живу по-простому, по Божьему...», «В канун престольного праздника», «Дорога к Храму»

или

«Русь вечная», «Катастрофа! Семнадцатый!», «Я на отчей земле не гость...», «Деревня», «Плач по России», «Спасибо, Русь, меня взрастила ты...», «Тропы славян», «По Родине не надо слезы лить...».

Книга стихотворений «Воскресшие купола», Раздел 1 «Души молитвенные строки».

Специфика мотива в лирике во многом обусловлена существом лирического события, которое – и это наш самый важный тезис – по своей природе принципиально отличается от события в составе эпического повествования.

Основой лирической событийности выступает, в формулировке «перемещение лирического сознания», иначе – дискретная динамика состояний лирического субъекта.

Это обстоятельство становится очевидным, если мы обратимся ко второму разделу книги Валентины Нарыжной – «Поклон тебе, солдат...»

Здесь очевидны как мотив Победы, ярко и яростно мая 1945 года, так и мотив невосполнимых утрат, горестей и бед, которые принесла война:

«Май победный», «У вечного огня», «Победа», «Сирень», «Ордена»

или

«Тополя», «Чья-то мать стоит у обелиска...», «Разлученные войной...», «Медальоны».

Несомненно, в лирике первичен не объект, а субъект высказывания и его отношение к внешнему миру. Удивительным свойством лирики является стремление и способность через частное подойти к общему, через бытовое и обыденное – к вечному и вселенскому. Другим парадоксальным свойством лирики является сочетание стремления к предельной краткости и лаконичности со стремлением к «известной описательности, коммуникативной оформленности, художественной выявленности и выраженности для всех».¹ Кроме того, в центре лирического стихотворения находится лирический субъект, «аккумулирующий в своем внутреннем мире протекание лирического сюжета». Семантическая организация мира лирических текстов отражается и на единицах этого мира – мотивах. Постановка в центр семантической структуры лирического «я» переориентирует все в лирическом тексте (в том числе и мотивы) на отношение к этому лирическому субъекту. *Мотивы так или иначе группируются вокруг этого центра и, не теряя в*

¹ А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. Работы по поэтике выразительности. – М., 1996. – С. 54.

целом своей автономной значимости, неразрывно связаны с лирическим «я» текста.

О неразрывности мотива и лирического «я» текста свидетельствует раздел 3 сборника В. Нарыжной – «...И любовь упала между строк...».

Ты – мужчина, я – женщина,
У нас и сила, и власть.
И бессмертьем увенчана
Наша прочная связь.
Нам с тобою завещано
Продолжать и любить.
Ты мужчина, я женщина –
Бесконечности нить.

И святую, и грешную
Ты проси у судьбы.
И берег во мне женщину,
И мужчиною был.

Перед Господом венчаны
Мы с тобой на века!
Ты – мужчина, я – женщина –
Чистый звон родника!

Лирическое событие, определяющее движение мотива любви, как гармонии, а не как поединка страсти роковой, – мы находим в таких стихотворениях раздела, как:

«Мне снились дождь, гроза...», «Затомилась осень в небесах...», «...И любовь поплыла между строк...», «Я себя не считаю красавицей...», «Ты меня, как рыбку золотую...» и т. д.

Подчеркнем, что лирический мотив может быть выделен исключительно в рамках контекста – цикла стихотворений или совокупности всего творчества автора. *Невозможно выделение мотива в том или ином стихотворении без учета проявленности вариантов того же мотива в других текстах.* Это также обусловлено свойствами лирики как рода литературы – небольшим объемом лирического текста, отсутствием динамического сюжета. С этим связана необходимость изучения лирических мотивов в системе.

Этот день мне подарен Всевышним! –
Он из музыки, песен, стихов,
Молодой распутившейся вишни
И летящих с небес лепестков.

Я хожу по стихам и по травам,
Отовсюду их слышится зов.
И лучами церковей златоглавых
Они мечутся среди облаков.

Никуда мне от них не деться.
Вот рассвет загудел над горой
И строка резанула по сердцу,
Окатив ледяною волной.

Вот туманы поплыли по крышам,
Вот и дверь отворилась в мой кров...
Этот день мне подарен Всевышним –
Он из музыки, песен, стихов.

Лирическое событие – это субъективированное событие переживания, непосредственно вовлекающее в свое целое и меня, читателя, сопряженного при этом с инстан-

цией лирического субъекта. Схематично это положение можно представить следующим образом: лирический субъект – это и голос стихотворения, и внутренний герой этого голоса, но и я, читатель, оказываюсь в позиции внутреннего героя и разделяю его переживания, а голос это двуединое целое объединяет. Я как читатель стихотворения оказываюсь внутри его событийности. Поэтому о лирическом событии не может быть рассказано (ибо некому рассказывать), а может быть явлено – в самом дискурсе. Иначе говоря, лирическое событие осуществляется непосредственно в актуализированном дискурсе лирики.

В элементарном виде эта особенная событийность представлена в жанрах лирической миниатюры: состояние окружающего мира (как в самом широком смысле, так и в любом частном аспекте) актуализируется в восприятии лирического субъекта и субъективируется им. Происходит диалогическая встреча двух начал – лирического субъекта и субъективированного им объекта восприятия – что приводит к качественному изменению состояния самого лирического субъекта, а также его коммуникативного двойника в образе читателя. В общем виде существо лирического события можно свести именно к последней формуле: это *качественное изменение состояния лирического субъекта*, несущее *экзистенциальный смысл* для самого лирического субъекта и эстетический смысл для вовлеченного в лирический дискурс читателя. Особо подчеркнем, что пресуппозиция лирического события может быть не явлена в лирическом дискурсе и, соответственно, опущена в самом лирическом тексте – как это характерно, например, для произведений А. А. Фета.

Определив специфику лирического события, мы получаем достаточные основания для предметного разговора о специфике мотива в составе лирического дискурса. Представляется, что природа мотива в лирике, по существу, та же самая, что и в эпическом повествовании: и там, и здесь в основе мотива лежит *предикативный* (или собственно *действительный*) аспект событийности – однако при этом, как было раскрыто выше, принципиально различается природа самой событийности в лирике и эпике.

Самое лирическое действие также отличается от действия эпического. Дело в том, что действие в лирическом тексте развертывается вне синтагматического поля наррации, и поэтому оно, как правило, внешне дезорганизовано: лирический голос может говорить о всяком действии, о всяком происходящем, что только попадает в сферу его «перемещающегося сознания», иначе – в сферу его частного событийного созерцания.

Соответственно, иным является и качество связности текста в лирике: оно основывается не на принципе единства *действия* (что характерно для фабульно организованного эпического повествования), а на принципе единства *переживания*, или, что то же самое, единства лирического субъекта – при всех его качественных изменениях, при всей присущей ему внутренней событийности. Именно поэтому столь характерный для лирики *повтор* не разрушает, а, напротив, только укрепляет текст, поддерживая единство лирического субъекта, – в отличие от эпического повествования, которому прямые повторы противопоказаны, потому что нарушают единство действия.

Прощание

Халимонова-Мельник Алла Владимировна

Она напоследок хотела запомнить все это –
И краешек неба, и шепот осенней травы,
И горечь заката, и яркую свежесть рассвета,
Когда восходящее солнце пронзает поток синевы.

Она уходила, но в сердце опять пронеслось
Нелегкое детство и счастье взаимной любви.
Она благодарна была за великую милость –
Прожить, словно факел. Сгореть. Но на миг позови,

Окликни ее и спроси: «Не начать ли сначала
Нелегкую жизнь? Может что-то исправить бы
в ней?»

Она (я уверена) – «Нет –, головой покачала, –
Пусть будет как есть, мне все это родного родней.

О милые люди, не плачьте по мне, не грустите.
Я там, где мне очень легко, где ни зла, ни забот.
А если хотите узнать что – у ветра спросите,
Уж он-то, проказник и друг, никогда не солжет».